

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Опричники на военной и дипломатической службе

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.04.01.История

образовательная программа магистратуры История России до XX века

Выполнил:

Студент 2 курса магистратуры
Дневного отделения
Машин Владимир Сергеевич

Научный руководитель
Д.и.н профессор
Шапошник Вячеслав Валентинович

Санкт-Петербург

Оглавление

Введение	2
Глава I Историография	4
Глава II Опричные воеводы	19
Глава III Опричники на дипломатической службе	47
Заключение	64
Список использованных источников и литературы	66

Введение

Во второй половине XVI в. многочисленные мнимые и реальные заговоры убеждают Ивана IV в ненадежности старых уз, связующих монарха и подданных, их несоответствии самой природе верховной власти в России. Стремясь разрешить это противоречие, Грозный пытается соединить в своих руках как светскую, так и религиозную власть и заново выстроить весь комплекс своих взаимоотношений с подданными, сделав измену ему не только изменой раба господину, вассала сюзерену, но и главное — изменой Богу и вере. Учреждение опричнины было попыткой организации части дворянского сословия России на началах военно-монашеского ордена (то же назначение, тот же путь формирования, те же юридические права и привилегии), подобного Тевтонскому и Ливонскому (царь — глава ордена, игумен опричного монастыря, опричники — монахи).

Актуальность моей работы заключается в том, что военная и дипломатическая деятельность данных лиц не рассматривалась в комплексе. В основном это были крупные работы по воеводскому корпусу, социальному составу опричного двора без попытки разделить военную и дипломатическую деятельность как разные сферы. Целью моей работы является показать роль и командного состава опричных войск в Ливонской войне и войнах с Крымским ханством. Для этого следует определить конкретный круг лиц из числа несомненных опричников, принимавших участие в Ливонской войне. Основой для такого выделения послужили работа В.Б.Кобрин «Социальный состав опричного двора», где автор указывает список из 277 человек и Д.М. Володихина. Далее следует определить временной промежуток, а именно период опричнины 1565 – 1572.

Поставленной цели соответствуют задачи. Первая - показать служебные биографии наиболее значимых опричных воевод. Вторая - дипломатическая деятельность опричных воевод и дьяков.

Источниками мне послужили Разрядная книга 1475-1598 гг под ред. В.И.Буганова, Полное собрание Русских летописей (т.13 ч1,2). записки иностранцев о России Альберта Шлихтинга, Элерта Крузе, Иоганна Таубе.

В первой главе будет рассмотрена историография опричнины. Во второй главе служебные биографии опричных воевод. В третьей – дипломатическая деятельность опричного корпуса.

Глава 1

Историография

Историография данной проблемы крайне обширна и включает в себя как работы исследователей опричного войска, его состава, организации, значения; так и труды, посвященные анализу боевых действий, дипломатии, внешнеполитической обстановке.

Начать данный обзор следует с дореволюционных работ. В частности с «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, где в томе IX, посвященном второй половине царствования Ивана IV (1560-1584), историк предпринял попытку объяснить причины введения опричнины. Учреждение опричного двора, по мнению Н.М.Карамзина, было вызвано преувеличенным страхом царя Ивана за свою безопасность. Н.М. Карамзин выделил период существования опричнины: с начала 1565 г. до 1572 г. Используя в своей работе записки князя Курбского, Н.М.Карамзин дал негативную оценку опричнине и опричникам, называя последних вслед за А.М.Курбским «кромешниками», «великим полком сатанинским»¹.

Д. И. Иловайский в книге «Царская Русь» пишет о причинах введения царем опричнины следующее: «Измена Курбского, последовавшие за нею наступательные действия литовцев и нападение крымского хана во время мирных переговоров – все это произвело чрезвычайное впечатление на подозрительного тирана: ему стали повсюду мерещится бояре-изменники; он жаждал их казней, но как бы боялся каких-то помех, укоров и заступничества. Наконец, с помощью Басманова и других любимцев, он придумал нечто странное и нелепое: он придумал опричнину»². В опричнине Д.И.Иловайский видит проявление восточной деспотии, в которую трансформировалось патриархальное самодержавие московское, созданное трудами Василия III и Ивана III³.

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского, СПб., 1892. Т. IX.С.131.

² Иловайский Д.И. Царская Русь М., 1996 .С. 270-271

³ Там же. С. 3

В противоположность этой точке зрения С.М.Соловьев попытался выделить положительное значение опричнины, объясняя его в рамках теории борьбы государственного и родового начал, и считая опричнину направленной против второго, представителем которого было боярство⁴.

Непосредственной причиной, вызвавшей её учреждение, послужило, согласно С.М. Соловьеву, резкое обострение отношений царя с вельможеством: «Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени своих собратий, Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них, освобождало от необходимости постоянного, ежедневного сообщения с ними. Положить на них опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых, как тогда называли, - это было невозможно <...>. Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство – самому уйти от него; Иоанн так и сделал».⁵ По С.М.Соловьеву, «опричнина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему...»⁶. Она явилась завершающим этапом борьбы «московских единовластителей» с «остатками старины» и притязаниями князей и дружины».⁷

К.Н.Бестужев - Рюмин исходил, прежде всего, из признания борьбы Ивана IV с титулованной знатью, видевшей в царе прежнего великого князя, то есть «первого среди равных». В ходе этой борьбы царь, учредив опричнину,

---

⁴ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн.М.,1989. кн.III.С. 328

⁵ Там же. С .535 -536

⁶ Там же. С. 536

⁷ Там же. С. 537-538

выселил князей с наследственных земель в отдаленные области, подорвав тем их общественное влияние и связи с местным населением.⁸

Те же мысли развивал и Е.А.Белов, согласно которому Иван Грозный, проводя опричную политику, «перетасовывал» землевладельцев, в первую очередь княжат, лишая их прежней социальной опоры. Своими мерами царь вырывал с корнем «все прошлое».⁹

К К.Н.Бестужеву-Рюмину и Е.А.Белову присоединился С.М. Середонин, указавший на этих своих предшественников как на первых из историков, кто в борьбе царя с вельможеством увидел борьбу самодержца с княжатами – потомками удельных князей.¹⁰

По мнению В.О.Ключевского, главным назначением опричного двора было обеспечить безопасность царя, цель опричников была в борьбе с «крамольным» боярством¹¹. В.О.Ключевский попытался выявить противоречия политического строя Московского государства, на почве которых разразился многолетний и кровавый конфликт царя с его «боярством». Основное противоречие, по мнению В.О.Ключевского, состояло в том, что Московское государство было абсолютной монархией с аристократическим правящим аппаратом. «Обе стороны не могли ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни расстаться, они попытались разделиться, жить рядом, но не вместе. Таким выходом из затруднения и была опричнина».¹²

С.Ф.Платонов попытался объединить все точки зрения и создать единую концепцию. С. Ф. Платонов видел основное значение введения опричнины в

---

⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. СПб., 1885. Т. II. С. 259-266.

⁹ Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886. С. 109-111.

¹⁰ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 91.

¹¹ Ключевский В.О. Курс Русской истории. М., 1937. Ч. II., С 190-191

¹² Там же. С. 184

энергичной мобилизации землевладения, при которой оно, благодаря массовому выводу прежних вотчинников с взятых в опричнину земель, отрывалось от прежних удельно-вотчинных феодальных порядков и связывалось с обязательной военной службой. При этом историк считал, что опричнина была направлена на борьбу с бывшими удельными «княжатами», и именно опричнина помогла завершить централизацию русского государства¹³.

Первые обобщающие труды, посвященные опричнине и Ивану Грозному, появились уже в 20-х годах, когда происходило становление советской исторической науки. В 1922 г. вышла книга Р.Ю. Виппера об Иване Грозном, в которой царствование Ивана IV рассматривалось на широком фоне международных отношений. Р.Ю.Виппер считал, что «учреждение опричнины было в первую очередь крупнейшей военно-административной реформой, вызванной нарастающими трудностями великой войны за доступ к Балтийскому морю, за открытие сношений с Западной Европой»¹⁴, и видел в опричном войске опыт создания дисциплинированной, боеспособной и преданной царю армии.

В 1942 г. Р.Ю.Виппер перерабатывает и дополняет свою книгу об Иване Грозном, а в 1944 г. она вышла третьим изданием, которое с небольшой доработкой воспроизводило второе. Р.Ю. Виппер значительно расширил свой подход к разрешению проблемы опричнины. Он поставил вопрос о ее политическом, военном и социальном значении, о ее прогрессивности, «хотя бы и в сопровождении известных крайностей и преувеличений»¹⁵.

Р.Ю. Виппер писал: «В политике Ивана Грозного, как внешней, так и внутренней, ясно выражен классовый характер возрастающего самодержавия, причем следует отметить определенный социальный сдвиг, который особенно ярко обозначен учреждением опричнины 1564 г.: Грозный

---

¹³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. СПб., 1901., С.110

¹⁴ Виппер Р.Ю. Иван Грозный М.;Л., 1922. С.58

¹⁵ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944, С. 81.

действует в интересах главным образом среднего поместного землевладения»¹⁶.

В 1944 г. вышла работа И.И.Смирнова «Иван Грозный», где он дал свою оценку феномену опричнины. Прогрессивные черты опричнины Ивана IV И.И Смирнов видел в росте и укреплении самодержавной власти, как внешнеполитическом, так и внутригосударственном. «Эпоха создания Русского национального государства выступает перед нами как время острой и напряженной борьбы старого и нового, прогрессивных и реакционных сил, носителей национального развития и представителей феодальной реакции»¹⁷. Цель опричной политики И.И.Смирнов усматривал в политическом разгроме княжеско-боярской реакции и ликвидации экономических основ могущества боярства¹⁸. «Опричина окончательно и навсегда сломала боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя Русского национального государства. В этом исторический смысл опричнины. В этом ее основное прогрессивное значение». Вместе с тем И.И.Смирнов отмечал, что, «будучи особой формой проведения политики экономического и политического разгрома боярства, опричина явилась важнейшим этапом в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков»¹⁹.

В советской историографии на качественно новый уровень исследование опричнины поднял С.Б.Веселовский. Его исследования, представленные в виде отдельных статей, впоследствии, уже после смерти исследователя, вышли в сборнике «Исследования по истории опричнины» в 1963 г.; С. Б. Веселовский, проанализировав синодики, пришёл к выводу, что

---

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 90-92

¹⁹ Там же.С.95-96

«направленность опричнины против старого землевладения бывших удельных княжат следует признать сплошным недоразумением»²⁰.

С. Б. Веселовский утверждал, что в 1572 г. опричина была ликвидирована фактически, а не только по названию. С. Б. Веселовский писал об опричнине, как о совершенно незначительном и нецелесообразном мероприятии Ивана Грозного. Историк отвергал мнение о том, что опричина «была, как утверждали некоторые историки, крупной государственной реформой». «Когда царь, — писал С. Б. Веселовский, — разочаровался в преданности ему виднейших опричников и понял нецелесообразность параллельного существования двух дворов — старого государева и опричного, — то дальнейшее существование их становилось непроизводительной тратой средств»²¹.

Крупный военный историк А.В. Чернов в своей работе «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.» (М., 1954), рассматривая русскую армию XV – XVI вв., уделял особое место опричному войску. По мнению А.В. Чернова, «это было вполне боеспособное войско, охранявшее границы государства и участвовавшее в военных действиях наравне с земскими полками. Опричное войско включалось в общевойсковые росписи (разряды) так же, как и земские отряды, делилось на такие же полки, как и все русское войско, имело во главе полков воевод, полки объединялись между собой и с земскими полками по существовавшим правилам и т. п.»²²

И.И.Полосин стремился рассматривать опричнину в широком плане, писал о ее социально-политической обусловленности и крепостнической направленности. По словам И. И. Полосина, к занятиям этой темой он пришел через "изучение истории крестьянства в XVI веке".²³ Анализ новой

---

²⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. - М., 1963.С .32

²¹ Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.// Вопросы истории 1946. № 1, .С. 99.

²² Чернов.А.В. Вооруженные силы русского государства XV – XVII вв.(с образования централизованного Русского государства до реформ при Петре I). М.,1954.С. 63

²³ Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII вв. М., 1963. С. 18

редакции поместных грамот 70-х годов XVI в. привел его к мысли, что опричнину следует рассматривать как систему феодально-крепостнических мер. Исследование "обыскных книг" 1570 - 1572 гг. дало возможность И. И. Полосину прийти к чрезвычайно интересному заключению, что «первая крестьянская война» в России имела место в период опричнины. По его мнению, примирение боярства с дворянством было в основном связано с угрожающим ростом крестьянских восстаний. Давая всестороннюю оценку опричнине, автор отметил ее закономерный характер, экономическую неизбежность закрепощения крестьян. То, что «опричнина была направлена против народа, была делом антинародным, - писал он, - не нарушает утверждения о ее относительной прогрессивности»²⁴. Такая постановка вопроса являлась более правильной, чем одностороннее выпячивание позитивных или негативных сторон опричнины. Кроме того, И. И. Полосин указал на необходимость изучения ее в тесной связи с внешней политикой Русского государства, одним из первых в советской историографии выявил отрицательные последствия Ливонской войны. Также впервые в литературе он рассмотрел монастырские «объезды» Ивана IV в военно-дипломатическом аспекте, поставил вопрос о целесообразности изучения Земского собора 1566 г. в связи с опричниной.

С.В.Бахрушин считал, что появление опричнины было вызвано возникновением конфликта между царем и его ближайшим окружением, между Избранной радой и широкими кругами дворянства. Главным поводом для недовольства дворянства являлось отношение Избранной рады к царской власти. Необходимость укрепления царской власти сознавалась и боярством. Однако крупные феодалы добивались участия в управлении централизованного государства, хотели делить с царем его власть и могущество. С.В.Бахрушин писал: «В такой обстановке и созрела, по-видимому, у царя мысль о необходимости какой-то радикальной реорганизации всего государственного строя. Не доверяя боярам, Иван не

---

²⁴ Там же. С. 184-185

чувствовал себя в безопасности в своей столице ни от внешних, ни от внутренних врагов. У него возник план перенести свою резиденцию в более верное место и окружить себя более надежными защитниками из среды мелких феодалов»²⁵.

П.А.Садиков рассматривал опричнину как сознательно проводимую политику Ивана IV, направленную против враждебной ему феодальной знати и имевшую своей целью укрепление основ централизованного Русского государства. Наиболее существенной частью исследования П.А. Садикова являются его выводы в отношении земельной политики опричнины; установление истории образования территории опричнины, наконец, анализ форм и методов управления в опричнине. Особое внимание П.А.Садиков уделил исследованию финансового аппарата опричнины: четей и связанных с ними приказов. П.А. Садиков выделил два периода существования опричнины: первый период (1565 -1572 гг.) под именем собственно «опричнины» и второй - в виде «двора»(1572-1586 гг.). Само название «опричнина», по мнению П.А. Садикова, исчезло из документов, начиная с 1572 г., и было официально заменено словом «двор» государев и «дворовые люди».²⁶ П.А.Садиков объясняет подобное решение Ивана IV критической ситуацией, сложившейся на фронтах Ливонской войны, где « отряды опричнины вместо энергичных боевых операций занимались главным образом грабежом населения»²⁷. Все эти обстоятельства требовали, с одной стороны, реформы, а с другой стороны, расследования непрекращающихся предательств опричников и земских людей. Попыткой найти выход из создавшейся ситуации и стала формальная «отмена» опричнины.

А.А. Зимин считал, что опричнина была направлена против последнего удельного князя, единственного реального, по понятиям того времени

---

²⁵ Бахрушин С.В. Иван Грозный // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II С. 300

²⁶ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины М.;Л,1950.С. 40

²⁷ Там же. С. 39

претендента на власть в государстве, что и обнаружилось во время так называемого «боярского мятежа» 1553 г. В монографии «Опричнина Ивана Грозного» автор одной из задач опричнины считает укрепление обороноспособности страны, поэтому «в опричнину отбирались земли тех вельмож, которые не отбывали военную службу со своих вотчин»²⁸.

В конце жизни А. А. Зимин пересмотрел свои взгляды в сторону сугубо отрицательной оценки опричнины, видя в «кровавом зареве опричнины» крайнее проявление крепостнических и деспотических тенденций в противовес предбуржуазным²⁹.

Мнение Р.Г.Скрынникова отличается от взглядов С.Ф. Платонова на опричнину. Во-первых, ученый пишет, что в опричнину отбирали «худородных дворян, не знавшихся с боярами». С.Ф.Платонов же считал, что «новый «особный двор» состоял из бояр и их детей». Во-вторых, С.Ф. Платонов рассматривал опричнину как крупную государственную реформу, а Р.Г.Скрынников считал, что первые опричные репрессии носили антикняжескую направленность, «учреждение опричнины повлекло за собой крушение княжеского землевладения»³⁰, но в течение семи лет она не была подчинена единой цели. Опричнина с двором, войском и территорией создавалась для «охранения» жизни царя. Одним из главных аргументов в пользу опричнины была необходимость покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В состав опричного «удела» вошло несколько крупных дворцовых волостей и обширные северные территории с богатыми торговыми городами. Для обеспечения опричников землей были конфискованы поместья суздальских, можайских и других землевладельцев, которые не были приняты на опричную службу.

---

²⁸ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477

²⁹ Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С.217

³⁰ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 227

Д. Н. Альшиц считал, что в основе внутривосточной борьбы, разразившейся в эпоху Грозного, лежит значительный социальный конфликт. В монографии «Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного» он ставит своей задачей разобраться в социальной сущности, истинных масштабах и исторической значимости этого конфликта. Опираясь на введенные им в научный оборот исторические источники – Список опричников Ивана Грозного, Официальную разрядную книгу московских государей, неизвестные ранее литературные источники XVI в., автор показывает, что опричнина была не случайным и кратковременным эпизодом, а необходимым этапом становления самодержавия, начальной формой аппарата его власти. Именно времена Ивана Грозного автор считает началом самодержавия на Руси. Д.Н.Альшиц использует опубликованный им список служилых людей, составлявших опричный двор, которым 20 марта 1573 г. царь выделил денежные и иные оклады. Здесь Д.Н.Альшиц выделяет 1849 человек. При этом людей, указываемых Д.Н.Альшицем, назвать опричниками можно с большой натяжкой, так как список включает только лиц, принятых на службу в дворцовое ведомство, и число опричников в нем сравнительно невелико.

Д. Н. Альшиц отвергает концепцию опричнины, выдвинутую В. Б. Кобриним, считающим мифом борьбу боярства и дворянства в XVI в. Нет оснований, считает Д. Н. Альшиц, объявлять мифом как саму борьбу между боярством и дворянством во времена Ивана Грозного, так и существенные причины этой борьбы, однако борьба между аристократией и дворянством шла не за или против централизации, а за то, какой быть этой централизации, за то, кто и как будет управлять централизованным государством, интересы какой социальной группы класса феодалов оно будет преимущественно выражать.

Спорит Д. Н. Альшиц и с другим известным специалистом по истории XVI в. Р. Г. Скрынниковым, согласно концепции которого опричнина явилась

результатом столкновения между могущественной феодальной аристократией и поднимающейся самодержавной монархией. По мнению Д. Н. Альшица, ограничить власть самодержца стремились не только знать, но и дворянство, и верхи посада, и церковь. В объединении этих сил таилась большая и вполне реальная опасность для единовластия Грозного, противостоять которой самодержавие не могло без инструмента принуждения, возникшего в виде опричнины. Таким образом, по мнению историка, появление опричнины не зависело от произвола отдельной личности, поскольку опричнина явилась «конкретно-исторической формой объективного исторического процесса». Классовая суть самодержавия Грозного, по мнению Д. Н. Альшица, заключалась в обеспечении интересов феодалов-крепостников, и прежде всего интересов дворянства. Опричнина же консолидировала класс феодалов путем подчинения интересов всех его прослоек «интересам самого большого и могущественного его слоя - служилых людей, помещиков»³¹. Д. Н. Альшиц считает, что опричнина не привела к разделению государства, а создала лишь «верхний этаж» власти, благодаря чему прежние исторически сложившиеся её институты (Боярская дума и др.) были все разом подчинены власти самодержца.

В.Б.Кобрин в своей работе «Иван Грозный» указывает на то, что в декабре 1564 г., за месяц до появления опричнины, ситуация в стране была очень тревожна. Обострение отношений Ивана IV с Избранной радой, Ливонская война, побег в Великое княжество Литовское опытного и видного воеводы князя Андрея Михайловича Курбского, обвинения в измене двоюродного брата царя старицкого князя Владимира Андреевича.

Исследуя опричнину, историк указывает на ее кровавую деятельность: «опричники (их число за семь лет выросло примерно в четыре раза) были не только личной стражей царя, но и участниками многих боевых операций. И все же палаческие функции для многих из них, особенно для верхушки, были

---

³¹ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России : Государство Ивана Грозного. Л., 1988.С. 236

главными. Трудно перечислить все, хотя бы даже наиболее известные казни опричного времени. Нет и точных цифр»³². Кульминацией опричного террора стали конец 1569 - лето 1570 г., когда Иван Грозный по ложному доносу выступил в поход против Новгорода Великого. Тогда, по подсчетам В.Б. Кобрина, погибло 10-15 тысяч человек.

В этот же год начинаются гонения на многих руководителей опричнины. Были обвинены в измене и мучительно казнены более 100 человек. В качестве палачей орудовали и сам царь, и его двадцатилетний сын царевич Иван, и опричные бояре и воеводы. Чудовищная трагедия разыгрывалась на фоне начинавшейся в стране эпидемии чумы.

В 1571 г. на Русь совершает набег крымский хан Девлет-Гирей. «Большая часть опричников, которые должны были держать оборону берега Оки в районе Калуги, на службу не вышла: воевать с мирным населением было привычнее и безопаснее, безнаказанность развратила. Опричнина из мрачного карательного механизма выродилась в шайку убийц с княжескими и боярскими титулами»³³ - так характеризует эти события в своем труде В.Б. Кобрин. Хан Девлет-Гирей беспрепятственно подходит к Москве и поджигает ее. «Пожар бушевал три часа, пока хватало пищи огню. В итоге - пепелище вместо столицы, множество обгоревших и задохнувшихся людей. Хоронить их было некому, а потому из-за разлагавшихся трупов (Москва сгорела 24 мая) «смерд велик был». Только к 20 июля, почти через два месяца, город удалось очистить от мертвых тел»³⁴.

Этот разгром стал не только тяжелым ударом для престижа царя и его опричников, но и сильно ухудшил внешнеполитическое положение страны. Переговоры с Крымом ни к чему не привели. И Девлет-Гирей решил следующим летом повторить поход. Ивану Грозному ничего не оставалось делать, кроме как назначить командующим войсками опытного воеводу, часто

---

³² Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С 54

³³ Там же. С.85

³⁴ Там же. С. 89

оказывавшегося в опале,- князя Михаилу Ивановича Воротынского и объединить под его началом и опричников и земских людей. Это войско 30 июля 1572 г. возле деревни Молоди наголову разбило хана Девлет-Гирея.

Рассматривая события, происходившие в период опричнины, В.Б.Кобрин задается рядом вопросов: «каковы были ее причины, на какие цели она была направлена и к каким объективным результатам привела». В первую очередь он указывает на то, что вряд ли «были изменниками тысячи погибших новгородцев или крестьян Новгородской земли или жены и дети казненных», и то, что «никакие «государственные соображения» не могут обелить убийство десятков тысяч невинных людей³⁵.

Исследователь опровергает классическую концепцию С.Ф.Платонова о том, что Иван IV, борясь с боярством, опирался на дворян, и поэтому он выселял из опричных уездов враждебных ему бояр, заменяя верными дворянами. В качестве довода он приводит то, что «в опричнину вошли главным образом заселенные рядовыми служилыми людьми уезды, а вовсе не форпосты крупного княжеско-боярского землевладения, как полагал Платонов», а также то, «выселению подлежали в основном опальные и их родня, значительное же количество местных землевладельцев было, вероятно, просто принято в опричнину. А ведь именно на опричных переселениях в основном базируется представление об опричнине как об антибоярском мероприятии»³⁶.

Опричнину В.Б.Кобрин также не считает антибоярской, основываясь на том, что опричники стояли ближе к государю, а потому на них чаще обрушивался царский гнев.

По мнению историка, Иван Грозный вряд ли ставил перед собой какие бы то ни было глобальные задачи, для него важно было укрепление личной власти. Но «каковы бы ни были желания и намерения царя Ивана, опричнина

---

³⁵ Там же. С.93

³⁶ Там же. С.94

способствовала централизации и была объективно направлена против пережитков феодальной раздробленности»³⁷.

В постсоветское время наметились новые направления в изучении опричнины. Ученик В.Б. Кобрин А.Л. Юрганов занялся исследованиями в этом направлении. По мнению историка, Иван Грозный сознательно возложил на себя историческую миссию «последнего благочестивого царя». Опричники — «избранные», потому-то их и не может осудить никакой человеческий суд, кроме царского («...наши виноваты не были бы»), символика странного воинства — собачья голова на шее у лошади — прямо соотносится с пророчествами (с песьими головами изображались «нечистые народы Гога и Магога»), сам опричный террор как своими конкретными формами, так и масштабами бессмысленного кровопролития перекликается с апокалиптическими видениями³⁸. А.Л. Юрганов привлекает для подтверждения своей гипотезы большой фактический материал: тонкости богословской полемики царя с Андреем Курбским, детали полумонашеского быта и причудливой архитектуры Опричного двора, технологию казней. Опричники в Александровском дворце носят монашеское черное одеяние, называют своего «игумена» «не иным именем как брат», тщательно соблюдают монастырский устав. По мнению А. Л. Юганова, царь мыслил себя исполнителем воли Божьей по наказанию грешников в «последние дни» перед скорым Страшным судом³⁹.

Б.Н.Флоря в своей работе «Иван Грозный» видит в учреждении опричнины переворот, рассчитанный на сосредоточение в руках Ивана Грозного «всей полноты власти в государстве»⁴⁰, означавший «изменение всего традиционного политического устройства Русского государства»⁴¹.

---

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Юрганов А. Л. Опричина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52-75.

³⁹ Там же. С.52

⁴⁰ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С.173

⁴¹ Там же. С.181

С внешнеполитической точки зрения рассматривает опричнину Д.М.Володихин, который видит «в опричнине военно-административную реформу, притом реформу ненужную и неудавшуюся. Она была вызвана сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить военное управление, сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны».⁴² Другая книга Д.М.Володихина, «Воеводы Ивана Грозного», представляет собой сборник биографических очерков, где дан обзор и краткая характеристика воевод Ивана IV. Автор книги ставил целью «представить, насколько это возможно, по крупицам, по ничтожным крупицам собрать сведения о персонах воевод, их характерах»⁴³.

И. Я. Фроянов считает, что исторические корни опричнины уходят во времена правления Ивана III, когда запад развязал идеологическую войну против России, забросив на русскую почву семена опаснейшей ереси, подрывающей основы православной веры, апостольской церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия. Эта война, продолжавшаяся почти целый век, создала в стране такую религиозно-политическую неустойчивость, которая угрожала самому существованию Русского государства. Опричнина стала своеобразной формой его самозащиты⁴⁴.

В 2010 г. вышла книга двух исследователей опричнины И.А. Курукина и А.А. Булычева о «начальных людях» и рядовых опричниках, повседневном обиходе и нравах опричного двора и службе опричного воинства.

Как пишут сами авторы, «наша книга отнюдь не претендует на роль эпического полотна, изображающего развитие России при грозном царе Иване Васильевиче. Её задача намного скромнее: познакомить читателя с

---

⁴² Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 143-144.

⁴³ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 4

⁴⁴ Фроянов. И.Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007. С. 5

людьми XVI века, служившими не в вымышленной, а в реальной опричнине; их повседневным обиходом, вотчинным или поместным хозяйством, воинской службой, участием в придворных церемониях и карательных операциях, наградами и наказаниями, насколько это позволяют сделать немногочисленные и разрозненные свидетельства уцелевших документов»⁴⁵.

Глава 2

Опричные воеводы

Прежде чем приступать к основному вопросу следует разъяснить явление опричнины. Что оно собой представляло? Что являлось главной его функцией?

В данной работе мной разделяется точка зрения тех исследователей, что видят в опричнине военно-административную реформу (это Д.М.Володихин и П.А.Садиков), притом реформу не слишком продуманную и в итоге неудавшуюся. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления — и в первую очередь управления вооруженными силами России, сделать их полностью и безоговорочно подконтрольными государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от верхушки служилой аристократии. Формально государь «владел» всей страной. На деле

---

⁴⁵ Курукин И.В. , Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010.С.15.

же он мог править лишь посредством весьма узкого слоя аристократов, а среди них ненормально много властных полномочий и привилегий получили знатнейшие «княжата» — всего десяток-другой родов.

Иван IV фактически создал себе «удел», как создавали в XIV–XV столетиях удельные области для членов Московского правящего дома. На территории этого «удела» царь завел свою армию и свою администрацию, куда не попал никто из первенствующих княжеских семейств. Что же касается персон, набранных для нового двора Ивана IV, — тех, кому предстояло занять высокие должности в опричной армии и системе управления, — то их богато обеспечили землей. Для этого пришлось согнать с многочисленных поместий и вотчин прежних землевладельцев⁴⁶.

Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением опричнины. Но недовольство тысяч людей, пострадавших от опричной земельной политики, создало почву для острейшего конфликта. Очевидно, старинных родовых земель тогда лишали с большой жесткостью...

Итак, царь создавал новую политическую иерархию. Фактически он очищал огромную зону от всякого присутствия главнейших княжеских родов. Эта зона распространялась, прежде всего, на вооруженные силы «удела», а также на земли, отданные в опричнину и управляемые опричными служилыми. Появилась вторая Боярская дума — опричная. Многие государь Иван Васильевич доверил опричникам и в сфере дипломатии.

С течением времени опричная зона расширялась — и территориально, и как область государственных дел, и как военная сила. В 1568 году опричная боевая машина могла выводить в поле армию из трех полков. А в 1569–1570 годах — уже из пяти полков⁴⁷.

---

⁴⁶ Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012. С.30

⁴⁷ Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. М., 2011. С. 263–265

Так, например, государь Иван Васильевич должен был высоко ценить служильцев, замеченных им во время зимнего 1562/63 года похода на Полоцк. Царь тогда лично возглавлял армию и мог поставить себе в заслугу приобретение богатого древнего города. Радость от большой победы, надо полагать, соединялась в его сознании с образами тех участников похода, которые отличились у него на глазах.

Из числа участников «Полоцкого взятия» видными опричниками стали Михаил Безнин, Роман Алферьев, Игнатий и Михаил Блудовы, Василий Ошанин, Григорий Ловчиков, Иван Черемисинов.

Опричнина предоставляла великий шанс, однако им смогли воспользоваться лишь считанные единицы «худородных», стремительно взлетевшие по лестнице служебных назначений. Может быть, полтора или два десятка.

Если же такому человеку удавалось счастливо пережить опричнину, он мог потерять высокое положение в постопричные годы. Так случилось со многими опричными воеводами. Побывав на почетных воеводских постах в годы опричнины, они скатывались потом до службы на уровне воинских голов. Немногие дожили до следующего царствования, оставшись на высотах власти. Но с 1584 года, когда скончался Иван IV, их ждала незавидная судьба. При царе Федоре Ивановиче аристократы полностью их разгромили за два года. К 1586-му последние крупные фигуры из числа неродовитых деятелей опричнины были выведены за пределы высшего яруса властной пирамиды.

И так, «путь цепных псов, то есть карателей, палачей, заплечных дел мастеров, прошли Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, Василий Грязной, Григорий Ловчиков и еще несколько персон, не столь заметных. А «путь волкодавов», иными словами, бешено работоспособных военачальников, дипломатов, администраторов, достался Михаилу Андреевичу Безнину, Роману Алферьеву, Игнатию Блудову и т. п.⁴⁸.

---

⁴⁸ Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012. С. 34

Михаил Андреевич Безнин был в близком родстве с другим большим человеком опричнины — Романом Васильевичем Алферьевым. Оба они в московской системе определения знатности далеко стояли от аристократических уровней. Но всё же это люди далеко не простые. Худородными они считались лишь в сравнении с теми же Басмановыми, Трубецкими, Темкиными. Они относились к старинной тверской «родословной» фамилии Нащокиных.

В доопричных разрядах Михаил Андреевич малозаметен. В 1559 году мы видим его в головах на береговой службе, затем в той же должности он ходил с Ф. И. Мстиславским на Алыст и на Феллин в Ливонии⁴⁹.

Безнин проявил решительный характер во время переговоров с осажденным в Полоцке гарнизоном (февраль 1563 года) и тем, по всей видимости, угодил царю. После взятия города он был отправлен к архиепископу Пимену в Новгород с почетной миссией гонца, несущего весть о победе. Михаилу Андреевичу дали это поручение вопреки его очень скромному служебному положению: он числился на протяжении Полоцкого похода в дозорщиках, затем в есаулах⁵⁰.

Несколько месяцев спустя он уже участвует в переговорах с литовцами. Русского монарха представляли на «съездах» с литовцами в разное время Иван Черемисинов, Василий Разладин и Михаил Безнин.

И Безнин, и его родственник Алферьев неоднократно назначались на воеводские должности в опричнине. Особенно Михаил Андреевич. Безнин служил в опричнине с года ее основания. В первом же походе опричного корпуса (под Волхов, осенью 1565 года) он числится вторым воеводой опричной рати, шедшей из Белева; затем он появляется под Калугой осенью

---

⁴⁹ Анхимюк Ю. В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 157–158.

⁵⁰ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 131, 132.

1567 года — вторым воеводой передового полка⁵¹. В 1569 году он поднимается еще выше: его назначают вторым воеводой в большом полку на Туле «после отходу опришнинских больших воевод». Через два года Михаил Андреевич отстраивает городские укрепления Москвы после великого пожара, разожженного крымцами Девлет-Гирея. А в 7080-м (скорее всего, с весны 1572 года) он уже стоит первым воеводой в Нарве-Ругодиге, что для человека его социального уровня — за пределами мечтаний⁵².

У государя он, что называется, «в приближении». Знаком царской милости стало пребывание Михаила Андреевича на двух свадьбах высших людей царства. В 1573 году русский ставленник в Ливонии Магнус берет в жены девицу из рода удельных князей Старицких — государевой родни. А в 1580 году сам Иван IV женится на Марии Нагой. И там, и там Безнин — желанный гость. Он присутствует на торжествах «без чинов», в окружении людей на два порядка более знатных.

Безнин был прирожденным полководцем. В армии он ценился высоко. Его ставили на воеводские посты много раз. Причем ставили на ответственных направлениях, против сильного врага, прежде всего татар.

Как администратор Безнин взошел на высокую ступень, получив в 1576 году чин думного дворянина. Его держали на высоких постах на протяжении многих лет.

Чин следовал ему и на другом поприще. Михаил Андреевич становится видным дипломатом. По поручению царя он исполнял важную работу. Первые, еще весьма скромные роли на дипломатической службе он исполнял в 1563–1564 годах⁵³. Но как специалист по внешнеполитическим делам Безнин по-настоящему развернулся лишь под занавес царствования. Так,

---

⁵¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 45

⁵² Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 54

⁵³ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава. 1997. Т. 2. С. 233.

весной 1582 года Михаил Андреевич встречал римского посла в Старице, а в 1583 году он встречал уже английских послов. В том же 1583-м вел переговоры о размене пленных с послами Речи Посполитой. Двумя годами позднее в составе «великого посольства» ездил для заключения перемирия с Речью Посполитой (это было уже после кончины Ивана Грозного).

При государе Федоре Ивановиче влияние Михаила Андреевича быстро падает, несмотря на то, что он был когда-то дядькой при юном царевиче, теперь взошедшем на престол⁵⁴. В 1584 году Безнин одерживает победу в бою с татарами на реке Выси, участвует в «утишении» восставшего столичного посада и дворян, но военная карьера его не клеится. Да и дипломатическая также постепенно сходит на нет. Служилые аристократы теснят его и ему подобных, постепенно отбирая у них высокие посты.

Несколько слов заслуживает еще один видный опричник и близкая родня Безнина, Роман Васильевич Алферьев. В 1570—1580-х годах Алферьев стоял при дворе весьма высоко. До опричнины Роман Васильевич пребывал на средних «офицерских» должностях, как сотни других дворян. Он не был особенно заметен. В опричнину Алферьев попал не сразу — в отличие от Безнина, оказавшегося там в первые же месяцы существования опричного войска. Да и то на первых порах Роман Васильевич не поднимался выше привычной для него должности воинского головы.

Но в 1568 году он уже второй воевода передового полка в опричном корпусе под Вязьмой и Мценском. Под 7076 годом (видимо, весна 1568-го) Алферьев показан в разряде как третий воевода небольшого отряда опричников на одоевском направлении. Но даже несмотря на то, что он стоит выше, чем в доопричные времена, он всё еще играет довольно скромную роль в опричном воинстве.

---

⁵⁴ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. М., 1960 .С.54

Вскоре ему удастся одержать крупную победу в местнической тяжбе, одолев князя Иосифа Гвоздева. К 1570 году статус Романа Васильевича в опричнине резко повышается. Р. В. Алферьева ставят командовать войском, занятым строительством города Толшебора «по Колыванской дороге». Выше этого в военной карьере он уже не поднимется⁵⁵.

Зато карьера дипломатическая удалась ему гораздо больше. Еще в опричные годы он возвысился до положения печатника и впоследствии играл одну из ведущих ролей во внешней политике России, будучи думным дворянином. При Федоре Ивановиче Алферьев растерял все свое влияние, испытал царскую опалу и потерпел тяжелые поражения в местнических тяжбах.

Игнатий Борисович Блудов — представитель «опричной гвардии» и фигура, задействованная в армейско иерархии опричнины гораздо больше, чем Алферьев и Безнин: его отправляют на воеводские должности постоянно. Блудов располагал колоссальным опытом военной работы — большим, чем у кого бы то ни было из «худородных выдвигенцев» опричнины. Или даже так: чуть ли не самым значительным по всему командному составу ранней опричнины.

Историк С. Б. Веселовский считал, что этот военачальник «...был, по видимому, выдающимся человеком и рано обратил на себя внимание царя»⁵⁶. Действительно, иначе как замечательными способностями полководца Игнатий Борисович не мог подняться над тем уровнем служебных назначений, какой диктовало его происхождение. По словам В. Б. Кобриня, «Блудовы принадлежали к верхнему слою провинциального дворянства. В Думе не бывали и в Государев родословец не попали, хотя и посылались в разные “именные посылки”. Так, Игнатий Борисович был настолько невысок

---

⁵⁵ Буганов В.И Разрядная книга Разрядная книга 1559–1605 гг.М.,1974. С. 90

⁵⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 206

в местническом счете, что стоял даже ниже весьма захудалого кн. Ал. И. Вяземского»⁵⁷.

До опричнины он уже бывал в воеводах — с 50-х годов XVI века: в марте 1555 года назван в разряде «почапским наместником», в 7067 (1558/59) году он годовал вторым воеводой во Мценске, а в 7068 (1559/60) году сидел воеводой в Карачеве. Ему пришлось драться с крымцами в страшной битве на Судьбищах 1555 года, когда часть русской армии чудом отбилась от превосходящего неприятеля. Блудов тогда оказался в плену, но был выкуплен и опять встал в строй. В Полоцком походе 1562/63 года Игнатий Борисович должен был «за государем ездити». Возможно, тогда-то Иван IV и выделил эту фигуру как перспективную. А летом 1565-го, на пороге опричнины, незнатный дворянин назначен вторым воеводой полка левой руки в небольшой армии, развернутой под Калугой⁵⁸.

Но происхождение провинциального дворянина не давало ему подняться на высшие ступени армейской иерархии; в местническом отношении он стоял слишком низко. Потолок Игнатия Борисовича в опричнине — назначение воеводой сторожевого полка под Тулой в 1569 году «после отходу опришнинских больших воевод». Это единственный случай, когда ему, опытнейшему командиру, доверили полк. В остальное время Блудова ставили главным образом вторым воеводой в полках. Очевидно, предполагалось, что человек со столь длинным шлейфом воеводских постов «подстрахует» менее опытных опричных командиров. На подобных должностях он четырежды ходил с опричным боевым корпусом к Калуге, стоял у Ржевы, отбивал Изборск в составе опричного отряда, приданного земской армии М. Я. Морозова, оставался «дежурным» воеводой в Слободе весной 1572 года⁵⁹.

---

⁵⁷ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 26-27

⁵⁸ Буганов В.И Разрядная книга 1475-1598 гг.М.,1966.С. 191

⁵⁹Буганов В.И Разрядная книга Разрядная книга 1559-1605 гг.М.,.1974. С. 55

Иными словами, Игнатия Борисовича охотно использовали как военачальника «второго ряда», но не спешили его возвышать.

Отмена опричнины дурно сказалась на карьере Игнатия Борисовича. Собственно, многие «худородные» опричники прошли тогда через понижение служебного статуса: воеводы становились головами, большие люди опускались до уровня дюжинных служилых. Но И. Б. Блудов, благодаря незаурядному тактическому дарованию, в постопричные годы сумел, хоть и не сразу, восстановить прежнее свое положение воеводы. В сентябре 1576 года он получил пост воеводы в отряде, отправленном «по вестям» к Полоцку, а в 1580 году попал одним из воевод в Смоленск и участвовал там, в разгроме большого литовского войска.⁶⁰ Он и погиб осенью 1580 года под Смоленском — отбивая литовцев.

Константин Дмитриевич Поливанов принадлежал старинному роду, не попавшему в государственный родословец и известному лишь по частным. Этот род стоял очень далеко от воеводских назначений, и тем более думных чинов. Тем не менее, Константин Дмитриевич, сопровождавший царя в его знаменитом походе 1564 года из Москвы в Александровскую слободу, был одним из доверенных лиц Ивана IV⁶¹.

Константина Дмитриевича неоднократно ставили в опричнине на должности уровня полковых воевод и поручали иные крупные службы. Высшее служебное достижение Поливанова относится к 7076 (1567/68) году: его расписали первым воеводой в опричном отряде, отправленном к Мценску. Другие крупные военные назначения К. Д. Поливанова в опричнине таковы: чуть позже под Мценском он был первым воеводой сторожевого полка, а в 1569 году под Калугой числился вторым воеводой передового полка⁶².

---

⁶⁰ Буганов В.И Разрядная книга Разрядная книга 1559-1605 гг.М.,.1974. С. 135

⁶¹ Там же. С .146

⁶² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том 1. 1997 С 67

После отмены опричнины звезда К. Д. Поливанова закатилась: высокие чины он более не получал, ходил в приставах и головах. Очень характерное назначение: в 1579 году его послали следить за тем, как из Пскова в Полоцк перетаскивают «пищаль» (в данном случае — тяжелое артиллерийское орудие) с именем «Свиток». Иными словами, он был в головах при единственной пушке. Очевидно, тем тактическим дарованием, которое было присуще Блудову, Константин Дмитриевич не располагал. Зато он участвовал в погроме Северной Руси 1570 года. После завершения карательного похода К. Д. Поливанов остался в Новгороде еще почти на год, «правля казну» на монастырях, то есть под видом «штрафных санкций» просто вытягивая из братии материальные ценности. В результате он, на пару с У. Безопишевым, вывез в столицу 13 тысяч рублей — громадную сумму.

Константин Дмитриевич Поливанов в какой-то степени принадлежал обеим линиям «худородного» дворянства, делавшего карьеру в опричнине, — и линии Михаила Безнина, и линии Малюты Скуратова. Он стал своего рода промежуточной фигурой: поднимался и за счет дельной службы, и за счет участия в карательных акциях⁶³.

Дмитрий Иванович Хворостинин начал службу в 1557/58 г. шацким воеводой и в том же году участвовал в походе к Серпухову головой при первом воеводе большого полка «к царевым и великого князя полчаном». В 1559/60 г. он на воеводстве в Нижнем Новгороде; в 1561/62 г. состоял при первом воеводе большого полка в Ливонской войне; при осаде Полоцка в 1563 г. он был в свите царя и головой в царевом полку, причем при осаде отличился. Затем он был отправлен в Великие Луки, где был потом вторым воеводой сторожевого полка. В опричнину он был принят сразу вместе с братьями, вероятно, потому, что зарекомендовал себя как храбрый и талантливый военачальник. Уже в октябре 1565 г. (первый опричный разряд, еще без деления на полки) его направляют к Волхову вторым воеводой. В

---

⁶³ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С.68

сентябре 1567 г. он сначала первый воевода сторожевого полка под Калугой, а затем второй воевода передового полка под Вязьмой. В 1569 г. в опричных войсках под Калугой командовал сторожевым полком, здесь он впервые упомянут с чином окольного. В 1570 г. продолжал быть на береговой службе и 21 мая руководимый им и Ф. Львовым опричный полк нанес жестокое поражение крымцам. В походе на берег в мае 1571 г. был третьим воеводой передового полка. Весной 1572 г. участвовал в походе против шведов.

Затем он вновь переходит на береговую службу вторым воеводой передового полка под Калугой. Руководимый им полк участвовал в битве на Молодях и оказал решающее влияние на исход борьбы за русский гуляй-город. Во время штурма гуляй-города, пока Воротынский обходил татар с тыла, он из гуляй-города «с немцы вылез». Участвовал во взятии Пайды, а затем стал одним из крупнейших воевод. Его служебная карьера ненадолго прерывалась опалой, продолжавшейся с конца 1573 г. по февраль 1574 г. При Федоре Ивановиче был боярином с 1584/85 г. Умер в 1590 г. монахом Троице-Сергиева монастыря с именем Дионисий⁶⁴.

Федор Иванович Умной - Колычев в опричнине упомянут один раз: 27 мая 1570 г. как боярин из опричнины. Службу начал в конце 1540-х годов: в декабре 1547 г. - рында в походе на Казань, в 1550 г. был опять рындой под Казанью, с июля 1551 г. - пронский воевода, а с октября того же года - воевода в Терехове, в декабре 1553 г. в походе на Луговую сторону и Арские места он третий воевода передового полка, в июле 1555 г. - голова для посылок в царском полку. В 1558/59 г. в качестве окольного (первое его упоминание в этом чине относится к июню 1558 г.) сопровождал царя в походе к Серпухову. В 1558-1560 гг. неоднократно участвовал в приемах литовских послов⁶⁵. В ноябре 1562 г. он уже в качестве боярина (первое

---

⁶⁴ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С.85

⁶⁵ Сборник Российского Исторического Общества. Т. 59. С. 554-556

упоминание в этом чине - март 1562 г.) отправился в Полоцкий поход. В марте 1565 г. он второй воевода в Смоленске. В 1566-1568 гг. он был послом в Польше. По мнению С. Б. Веселовского, он удалился от дел и постригся в монахи в связи с опалой митрополита Филиппа⁶⁶. Это маловероятно, так как митрополит Филипп был низведен с престола в ноябре 1568 г. и убит в декабре 1569 г., а в мае 1570 г., как мы видели, Ф. И. Колычев еще заседал в Думе в качестве боярина из опричнины. Его пострижение в монахи следует, видимо, связать с другим, куда менее значительным эпизодом. В 1571/72 г. он местничался с В. Б. Сабуровым, проиграл дело, и «выдали Федора Умново Василью Сабурову головою». Проигрыш местнического дела, да еще и «выдача головою» противнику вполне могли привести к решению об уходе в монастырь. Всего через 10 лет в подобной ситуации М. А. Безнин «от той боярской обвинки хотел пострицца». Кончил жизнь Федор Иванович в Кирилло-Белозерском монастыре, где и был похоронен.

Василий Иванович Умно-Колычев начал службу в 1550-х годах рындой. Упоминается в этой должности в 1556-1559 гг. В 1557/58 г. он был первым воеводой в Михайлове, в 1559/60 г. в Мценске, тогда же первый воевода передового полка в Ливнах. Во время Полоцкого похода в 1562-1563 гг. оставался окольным с царевичами в Москве; в марте 1565 г. в качестве окольного назначается вторым воеводой в Коломну и там же вторым воеводой передового полка, а вскоре воеводой в Торопец. В 1565/66 г. он с боярином И. М. Воронцовым едет в Швецию сватать для царя королеву Екатерину⁶⁷. В опричнине он впервые упомянут в сентябре 1567 г., когда в качестве окольного сопровождал царя в поход в Литву, осенью того же года в Вязьме он второй воевода сторожевого полка, в январе 1569 г. вторым воеводой из опричнины ходит под Изборск, а затем назначается в Калугу вторым воеводой большого полка в опричных войсках, однако вскоре отозван отсюда и послан в Ливонию наблюдать вместе с земским воеводой И. П.

---

⁶⁶Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 299.

⁶⁷ Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. 1954. С. 27

Яковлевым за строительством 46 крепостей по Колыванской дороге. П. А. Садиков считал, что небрежность при выполнении этого поручения и неудача под Ревелем были причиной казни В. И. Умного и И. П. Яковлева⁶⁸.

Что касается В. И. Колычева, то это совершенно неверно. Уже после казни Яковлева летом 1572 г. он в качестве воеводы сторожевого полка участвовал в битве на Молодях, затем в качестве дворового воеводы во взятии Пайды и, наконец, в феврале-апреле 1574 г. в той же должности в походе царя к Серпухову.

Это последнее упоминание о нем в источниках. Вероятно, около этого времени, но не ранее 28 апреля 1575 г., когда он сделал вклад 50 руб. в Троице-Сергиев монастырь, был казнен.

Другими известными опричниками были князья Петр и Семен Даниловичи Пронские. Происходили они из знатного рода рязанских князей. Отец их, князь Даниил Дмитриевич, был боярином с февраля 1547 г.⁶⁹ Приходились родственниками князю Владимиру Андреевичу - женой кн. Даниила Пронского была княгиня Фотинья, а Владимир Андреевич дал в Кирилло-Белозерский монастырь вклад «по сестре своей по княгине по Фотинье Проньской»⁷⁰.

Князь Петр Данилович Пронский начал службу еще в 40-х годах XVI в. В 1544 г. он первый воевода полка левой руки в Коломне; затем, в 1547 г., - первый воевода в Туле; зимой 1548/49 г. - второй воевода в Костроме; в апреле 1550 г. - первый воевода в Зарайске; в Казанском походе 1550 г. - дворянин «в ясауле»⁷¹. В 1550 г. был записан по Юрьеву-Польскому во второй статье Тысячной книги; по тому же городу значится в Дворовой тетради. В

---

⁶⁸ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины М;Л.,1950. С. 39.

⁶⁹ Синбирский сборник / Изд. Д. Валуева. М., 1844. Т. I.С 32

⁷⁰ Буганов В.И Разрядная книга Разрядная книга 1559-1605 гг.М.,.1974 С.90

⁷¹ Там же С. 92

1551 г. он первый воевода в Василь-городе; в 1553 г. - первый воевода в Новгороде-Северском; в июне 1556 г., во время царского похода в Серпухов, был головой в «царском стану». В 1558 г. он становится боярином кн. Владимира Андреевича Старицкого - в помете Дворовой тетради говорится: «67-го году. Князь Петр в удел дан». В том же году едет на службу в Каширу уже в качестве боярина Владимира Андреевича. Однако уже осенью 1564 г. он без упоминания о старицком боярстве назначается первым воеводой в Чебоксары⁷²: около этого времени в связи с делом княгини Ефросиньи имел место частичный роспуск двора Владимира Андреевича. Вскоре после отзыва от удельного князя Петр Данилович взамен малопочетного старицкого боярства получил московское боярство, хотя на первых порах и в земской думе - в 1565-1568 гг. - он упоминается в чине боярина как первый воевода в Юрьеве-Ливонском⁷³. С начала 1570 г. он уже опричник: после новгородского погрома остается правителем города, с февраля 1571 г. по июнь того же года - новгородский наместник⁷⁴. Осенью 1571 г. в качестве опричного боярина участвует в походе на шведов, а затем снова возвращается в Новгород, по одним сведениям - вторым воеводой, а по другим - наместником. В послеопричные годы не упоминается⁷⁵.

Младший из братьев князь Семен Данилович Пронский впервые упомянут в разрядах в 1547 г. на свадьбе царя⁷⁶. В 1550 г., как и старший брат, он был записан в Тысячной книге по Юрьеву-Польскому, а затем в Дворовой тетради. В 1557 г. он воевода в Деделове; в 1560 г. под Феллином - второй воевода «для посылок» при первом воеводе большого полка; в 1562/63 г. участвует в Полоцком походе в качестве спальника, головы в станových

---

⁷² Там же С. 95

⁷³ Буганов В.И Разрядная книга Разрядная книга 1559-1605 гг.М.,.1974 .С.102

⁷⁴ Там же С.104

⁷⁵ Там же С.105

⁷⁶ Там же С.112

сторожах и есаула; в 1564/65 г. - торопецкий воевода. Вошел в опричнину он вместе с братом, и, вероятно, благодаря ему. В сентябре 1570 г. в походе из Александровой слободы на Девлет-Гирея был на Сенькине мыту первым воеводой из опричнины; осенью 1571 г. в походе на шведов он уже опричный боярин, а в августе 1572 г. назначается в Новгород «управу чинити людем». Умер около 1581 г.⁷⁷»

Захарий Иванович Очина-Плещеев начал службу в 1549 г., будучи вторым воеводой в Козельске (первым воеводой был его отец), на следующий год он уже самостоятельно участвовал в походе под Казань «дворянином в ясауле», а в апреле 1550 г. получает назначение наместником в Мценск; в 1552/53 г. был на воеводстве в Карачеве, а в мае 1553 г. направляется в Казань четвертым воеводой. В Казани был и в следующем году. В июне-июле 1555 г. в походе на крымцев под Тулу он был головой «для посылок» в царском полку, а в августе того же года уже едет на север воеводой в Корелу на случай нападений шведов. Оттуда в ноябре-декабре 1555 г. ходит под Выборг первым воеводой полка левой руки, в июне 1556 г. он участвует в царском походе под Серпухов головой в царском полку и в том же году участвует в военных действиях против шведов под Орешком. В 1557/58 г. занимает пост третьего наместника в Путивле. В октябре 1560 г. был первым воеводой сторожевого полка под Юрьевым и потерпел жестокое поражение от войск магистра. В Полоцком походе 1563 г. он исполнял обязанности окольного и раздавал дворы в Можайске, а после взятия города был оставлен в остроге за городом. В 1563/64 г. ходил из Полоцка третьим воеводой большого полка в Литву и был взят в плен, но пробыл там недолго, уже в 1564/65 г. был первым воеводой полка правой руки при походе из Смоленска в Литву. Уже в июле 1566 г. литовские послы в переговорах с московскими боярами упоминали о

---

⁷⁷ Полное Собрание Русских Летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью, СПб., 1906. т. 13. С. 368.

его освобождении. Вероятно, в награду за «полонное терпение» он был взят в опричнину и получил боярство⁷⁸.

Вступление его в опричнину относится к 1566 г. и датируется поручной записью. В опричнине он стал одним из основных воевод: в сентябре 1567 г. в Литовском походе - воевода «для посылок»; осенью того же года при возвращении из этого похода был первым воеводой сторожевого полка; в январе 1569 г. руководил опричными войсками при взятии Изборска, а затем был на береговой службе в Калуге - сначала первым воеводой передового полка, затем вторым воеводой большого полка. Был женат на пленной астраханской царевне Ельякше (Ульяне). В 1570 г. он одновременно с Басмановым попал в опалу и был казнен: после 1569 г. нет упоминаний о нем в разрядах, а имя его встречается в синодиках⁷⁹.

Князь Одоевский Никита Романович, был одним из немногих опричников, принадлежавших к самой высшей княжеской аристократии. О его знатности свидетельствует то, что летом 1572 г. он местничался с кн. М. И. Воротынским, и его челобитье было записано. Вместе с Воротынским он был одним из последних удельных князей. Курбский пишет о них, что «те княжата были на своих уделах и велие отчины под собою имели; а колико тысящ с них не чту воинства было слуг их»⁸⁰. Его сестра Евдокия была женой кн. Владимира Андреевича Старицкого и погибла вместе с ним.

Появление Одоевского в опричнине датируется довольно точно: в 1569/70 г. он был еще земским воеводой в Серпухове, а в сентябре 1570 г. уже первым воеводой полка правой руки из опричнины в Тарусе; таким образом, его включение в состав Опричного двора относится к 1570 г. Сведения о его службе до опричнины таковы: еще в Дворовой тетради он был записан в числе служилых князей, но в разрядах впервые появляется значительно

---

⁷⁸ Синбирский сборник / Изд. Д. Валуева. М., 1844. Т. I. С 67

⁷⁹ Там же С.74

⁸⁰ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С.56

позже. Первый раз его имя попадает в разрядах в Полоцком походе в 1562/63 г., где он исполнял незначительную роль есаула и состоял в царской свите; эта служба, видимо, была своего рода стажировкой «новика». Его дальнейшая карьера складывалась так: в 1564/65 г. он - первый воевода в полку правой руки («прибыльный») на берегу, в сентябре 1565 г. - на воеводстве в Дедилове, в 1566-1567 гг. - воевода в Почепе, в апреле 1567 г. - первый воевода в Данкове, в 1567/68 г. - первый воевода большого полка на берегу. В июле 1566 г. в качестве дворянина первой статьи он подписал грамоту Земского собора.

В опричнине после уже упомянутого назначения в Тарусу он весной 1572 г. в чине боярина (первое его упоминание в этом чине относится к 1571 г.) участвовал в качестве второго воеводы сторожевого полка в смешанном опрично-земском походе против шведов; в июле-августе 1572 г. при отражении набега Девлет-Гирея он был первым воеводой полка правой руки и сражался с татарскими войсками «на Оке-реке вверх Нары». В 1572/73 г., уже после отмены опричнины, он ходил в поход на черемисов первым воеводой большого полка; в апреле 1573 г. назначается на берег первым воеводой полка правой руки; летом 1573 г. вместе с кн. М. И. Воротынским и М. Я. Морозовым был казнен⁸¹.

Князь Иван Петрович Охлябин, крупный опричный воевода. Он был записан по Кашину в Дворовой тетради. Впервые упоминается в разрядах в ноябре 1554 г. на свадьбе кн. И. Д. Вельского в числе стольников и жильцов. В 1558 г. приезжал от А. Д. Басманова сеунчом с известием о взятии Нарвы, а затем участвовал в осаде Юрьева головой при первом воеводе передового полка; в 1560 г. сражался под Феллином головою при первом воеводе большого полка, а после взятия города был направлен третьим головой по Рижской дороге под Кесь (Венден). В Полоцком походе 1562-1563 гг. он был есаулом, а после взятия города сначала остается там седьмым воеводой,

---

⁸¹ Там же С. 57

затем направлен в поход на Литву третьим воеводой большого полка, а после «схода» воевод вторым воеводой сторожевого полка⁸². В 1564/65 г. ходил из Смоленска в Литву вторым воеводой передового полка.

В опричнине он упомянут впервые в сентябре 1567 г. в Литовском походе первым головой, в 1567/68 г. в Калуге - первый воевода сторожевого полка, затем в 1568/69 г. - второй воевода из опричнины в Ржеве Володимирове, в 1569 г. в Калуге - первый воевода полка левой руки, в походе на Девлет-Гирея в 1570 г. - второй воевода опричного сторожевого полка⁸³. В битве на Молодях участвовал как «голова письменной». Вступление его в опричнину сопровождалось получением за него поручной записи. В послеопричные годы продолжал служить воеводой, последнее упоминание в разрядах - 1575/1576 г⁸⁴.

Князь Михаил Темрюкович Черкасский сын кабардинского князя Темрюка Айдаровича (Идарова) и брат царицы, Михайло Темрюкович, один из самых близких царю людей в годы опричнины.

В октябре 1558 г. вместе со своим братом Булгерук-мурзой сын кн. Темрюка Салнук (Салтан-мурза) прибыл в Россию, крестился под именем Михаила и остался служить при государевом дворе. Женильба в августе 1561 г. царя на его сестре Кученей (Марии) Темрюковне упрочила его положение. Породнился он и с родственниками первой царицы - был женат на дочери В. М. Юрьева. В Полоцком походе 1562/63 г. был рындой с большим саадаком и после взятия Полоцка ездил в Москву с известием о победе.

С сентября 1567 г. он уже упоминается в опричных разрядах: в сентябрьском походе в Литву был дворовым воеводой и состоял при особе царя; той же осенью был под Вязьмой первым воеводой большого полка; в

---

⁸² Буганов В.И Разрядная книга 1475-1598 гг.М.,1966 С.88

⁸³ Там же С .79

⁸⁴ Синбирский сборник / Изд. Д. Валуева. М., 1844. Т. I.С.49

сентябре 1570 г. при походе на Девлет-Гирея сопровождал царя и являлся главнокомандующим. Летом 1571 г. командовал опричными войсками при отражении набега Девлет-Гирея. Отметим, что нигде он не упоминается в числе бояр (хотя его боярство утверждается Шереметевским списком), но всегда перед боярами. Так, в посольской книге присутствовавшие на совместном заседании опричной и земской боярских дум 27 июля 1570 г. перечислены так: «...из опришнины: князь Михайло Темрюкович Черкасской, бояре...»⁸⁵. Надо думать, что это отражало некоторую особенность положения Михаила Темрюковича при дворе. О его влиянии свидетельствует характеристика, которую давали ему в конце 1580-х годов при одном судном деле крестьяне суздальского с. Куплина: «Князь Михайло Темрюкович Черкасской тогда был человек великой и временной и управы было на него добиться немочно».

Не до конца понятны причины гибели князя Михаила Темрюковича. Летом 1571 г. он был казнен. Это же помимо сообщений иностранцев подтверждается наиболее веским источником - синодиком. Однако московское правительство категорически отрицало факт казни Михаила Темрюковича. Так, в наказной памяти московскому гонцу в Крым С. Клавшову от июня 1571 г. говорилось: «А нечто хто спросит Севрюка про князя Михаила Черкасского, где ныны князь Михайло, и Севрюку говорити: князь Михайло Черкасской был в полку со царевыми и великого князя воеводами, и в царев приход (имеется в виду набег Девлет-Гирея летом 1571 г.) ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб. А хто молвит, что его царь и великий князь велел убить, и Севрюку говорити: то говорят ложно, не ведая, а государь его убить не веливал. За что государю его убить? Государь и братью его, не хотя в плену и в нуже, велел за них окуп великой послу своему дать. И не жалуя Темрюка князя и детей его, за что было государю окупать?»⁸⁶. С. Б. Веселовский считал, что М. Т.

---

⁸⁵ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С 92-93

⁸⁶ Курукин И.В. , Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010 .С. 111

Черкасский был казнен за то, что его отец изменил союзу с Москвой и принял участие в походе Девлет-Гирея⁸⁷. С этим объяснением едва ли можно согласиться. Участие Темрюка Айдаровича в первом набеге Девлет-Гирея весьма маловероятно. Единственное упоминание о нем у Штадена не может служить достаточным основанием для такого умозаключения. Штаден легко мог ошибиться в частности, а действия Темрюка были для него частностью; он даже путает в этих сообщениях Темрюка с его сыном Михаилом. Отношения же Темрюка с Крымом всегда отличались враждебностью: прямо перед походом Девлет-Гирея на Москву весной и осенью 1570 г. между кабардинцами и крымскими царевичами шли бои, причем в крымский плен попали братья Михаила Темрюковича Мамстрюк и Беберюк. Если бы Темрюк решился вступить неожиданно в союз со своим давним врагом, то, вероятно, освобождение сыновей было бы первым условием. Между тем после набеге Девлет-Гирея они оставались в плену, и С. Клавшову было дано указание продолжать переговоры об их выкупе. Вряд ли, «не жалуя Темрюка князя», Иван IV добивался бы освобождения из плена его сыновей. Вероятно, Темрюк Айдарович участвовал не в удачном набеге 1571 г., а в окончившемся разгромом на Молодях набеге 1572 г. Штаден сообщает, что Девлет-Гирей «имеет в помощь еще свойственника великого князя из Черкасской земли, ибо великий князь бесчестно обошелся с его дочерью, а сына его князя Михаила убил». Таким образом, по Штадену, казнь Михаила Темрюковича предшествовала переходу Темрюка к временному союзу с Крымом и была одной из его причин, а не наоборот⁸⁸.

Князь Федор Михайлович Трубецкой принадлежал к старшей линии рода. Он был одним из самых знатных Гедиминовичей. Еще очень молодым человеком был записан в числе служилых людей в Дворовой тетради. В первый раз он упоминается в разрядах в Полоцком походе в качестве есаула, в 1564/65 г. - воевода в Деделове, тогда же третий воевода полка правой руки

---

⁸⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963 .С. 330

⁸⁸ Там же С. 94

на береговой службе⁸⁹. В опричнину он вошел не сразу, на протяжении 1567/68 г. получает ряд земских назначений: первый воевода передового полка в Великих Луках, тульский воевода, первый воевода большого полка при «сходе» тульских и украинских воевод, первый воевода сторожевого полка под Вязьмой⁹⁰. Впервые в опричнине он появляется в сентябре 1570 г. первым воеводой под Калугой. В походе на берег летом 1571 г. - дворовый воевода. В той же должности весной 1572 г. в походе на шведов⁹¹. Вскоре после отмены Опричного двора получает боярство, минуя окольниковство, и участвует дворовым воеводой во взятии Пайды⁹². В дальнейшем был одним из крупнейших воевод и виднейших бояр. Делал крупные вклады в Иосифо-Волоколамский и Кирилло-Белозерский монастыри. В последнем постригся в монахи. Умер в 1602 г. и был похоронен в своем родовом гнезде Трубчевске⁹³.

Князь Василий Иванович Телятевский впервые появляется в калужском опричном разряде под 7077 г. как первый воевода передового полка и с этого момента служит в опричной армии на воеводских постах. Впрочем, для него это не карьера. Он и до опричнины занимал крупные должности. В 7073 г. он сидел в Брянске наместником (до мая 1565 г., когда туда прислали других воевод).

Дмитрий Шаферииков-Пушкин и Афанасий Новокшенов (Новокщонов). Оба они участвовали в строительстве города Толшебора на Колыванской дороге в 7078 (по всей видимости, 1570) г. В разрядной записи не сказано, что они «из опричнины», однако старшим воеводой при строительстве города был назначен видный опричник Р.В. Алферьев, следовательно, и подчиненных ему также подобрали из опричнины. В калужском походе 7077 (1568–1569) г.

---

⁸⁹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 132.

⁹⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том 1. 1997 С. 121

⁹¹ Там же С 120

⁹² Синбирский сборник / Изд. Д. Валуева. М., 1844. Т. I..С 37

⁹³ Сборник русского императорского исторического общества Т. 71. С. 573

в одном варианте разрядной записи вторым воеводой передового полка указан Константин Дмитриевич Поливанов, а в другой — его брат Иван Дмитриевич, что может быть и писцовой ошибкой, и заменой одного военачальника другим, произведенной по неясной причине. В мае 1570 г. было получено донесение из-под Зарайска: опричный воевода кн. Д.И. Хворостинин сообщал о разгроме крымцев, который был совершен им вместе с Фёдором Львовым; но кто этот Фёдор Львов — воевода или голова при князе Хворостинине, непонятно. По всей видимости, на завершающем этапе опричнины к ее военному ведомству принадлежал Иван Михайлович Большой Морозов. Он ходил в декабре 1571 г. в поход на шведов из Орешка в село Лебяжье как воевода большого полка вместе с явным видным опричником князем Д.М. Щербатым, который был тогда воеводой передового полка, и другим опричным военачальником, Я.Ф. Волынским-Попадейкиным, возглавившим сторожевой полк. Это дает повод предполагать, что они были опричниками, хотя бы и недолгое время. Весной 1572 г. вместе с одним из главных опричных воевод, И.Д. Колодкой Плещеевым, в Орешек «для береженья... от Каролуса, короля свийского», отправили Василия Васильевича Розладина-Квашнина (вторым воеводой) и князя Григория Путятин (наместником вместо сидевшего там Замятии Сабурова); это позволяет предположить принадлежность опричной военной организации всех троих (особенно Розладина). В 1572 г. князь Никита Борисович Приимков-Ростовский был назначен в Юрьев-Ливонский вторым воеводой при первом — князе Семене Даниловиче Пронском, очевидном опричнике; возможно, и он был записан в опричину под занавес⁹⁴. В Ругодиве (Нарве) как минимум с осени 1570 г. сидел одним из воевод князь Григорий Неклюд Давыдович Путятин; осенью 1571 г. его опять расписали туда четвертым воеводой; разряды сохранили имена остальных трех: первым был тогда Михаил Андреевич Безнин — опричник видный, высоко стоявший в военно-административной иерархии корпуса, вторым — Яков Фёдорович

---

⁹⁴ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988 . С. 203-204

Попадейкин-Волынский, о котором, как об опричнике, уже шла речь выше, третьим же — князь Дмитрий Иванович Кропоткин. Относительно этих двух персон может быть высказано то же предположение: они попали в опричнину в последние месяцы ее существования. Напротив, кн. И.П. Телятевский упомянут в опричном разряде воеводой, вероятно, ошибочно, и не поднялся выше поста головы. Князь Юрий Иванович Токмаков — один из виднейших воевод грозненского времени — был назван П.А. Садиковым опричником, но для вывода этого есть лишь косвенные подтверждения⁹⁵. Еще одного крупного военачальника, Замятию Ивановича Кривого Сабурова, С.Б. Веселовский считал опричником, но аргументов никаких не привел⁹⁶.

Ростовский князь Василий Иванович Темкин начал службу в конце 1530-х - начале 1540-х годов. В 1539/40 г. он был первым воеводой в Рязани за городом, в 1542/43 г. - рязанский наместник, а в 1543/44 г. - опять воевода в Рязани за городом. После этого он почти исчезает из разрядов, так как входит в состав двора кн. Владимира Андреевича.

Это, вероятно, произошло в середине 1540-х годов, когда заново создавался двор старицкого князя (разрешение иметь двор было ему дано в декабре 1541 г.). В. И. Темкин в марте 1555 г. участвовал в свадьбе Владимира Андреевича, а в 1558/59 г. упоминался и как его боярин.

С. Б. Веселовский полагал, что двор Владимира Андреевича был распущен при учреждении опричнины, и его служилые люди, в том числе В. И. Темкин, автоматически перешли в новый государев двор⁹⁷. Это вызывает ряд сомнений. В ходе Ливонской войны кн. В. И. Темкин попал в литовский плен и был выпущен только в июне 1567 г. Выкупленный государем, он тем самым терял связь с двором Владимира Андреевича, а за «полонное терпение» был, вероятно, принят в опричнину. Двор же Владимира Андреевича был

---

⁹⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М. 1950. С. 40

⁹⁶ Веселовский, С.Б. Исследования по истории опричнины. М. 1963. С. 32

⁹⁷ Там же. С. 46

распущен значительно раньше - около 1562/63 г. Не случайно уже «на размену» были посланы опричники И. М. Тевекелев и О. Ильин. В мае 1570 г. В. И. Темкин участвует в качестве боярина из опричнины в заседании Боярской думы, тогда же служит на берегу первым воеводой из опричнины⁹⁸.

Определенную роль он сыграл в новгородском деле. Лично участвовал в казнях 25 июля 1570 г. на Красной площади, собственноручно казнив дьяка Г. Шапкина с женой и двумя сыновьями.

С этим следует связать и любопытный документ, датированный 15 марта 1571 г. Речь идет о том, что царь указал на «печатнике Иване Михайлове» взять «за безчестье» дьяку В. Щелкалову 200 руб., а боярину кн. В. И. Темкину - 600 руб. Висковатый же в связи с отсутствием у него денег просил, чтобы Темкин и Щелкалов взяли взамен вотчины, на что царь выразил согласие. Обращает на себя внимание тот факт, что грамота датирована временем, когда И. М. Висковатый был уже казнен. Вероятно, документ был составлен задним числом, а фиксировались в нем события, происшедшие ранее. Полагаем, что во время следствия Висковатый пытался спастись, оговаривая своих обвинителей - Темкина и Щелкалова. Одновременно с ведением следствия Щелкалов и Темкин могли обратиться с просьбой о взыскании с Висковатого «за бесчестие». На участие В. И. Темкина в опричных расправах указывает еще один факт. Его вотчины на сумму в 1200 руб. были в феврале 1571 г. переданы некоему Н. А. Парфеньеву «за сына ево убитую голову и за долг»; иск в 150 руб., также удовлетворенный по приказу царя вотчинами, предъявлял ему В. И. Волков.

В сентябре 1570 г. В. И. Темкин сопровождал царя в походе на Девлет-Гирея, а летом 1571 г. был вторым воеводой передового полка на берегу. После отъезда царя в Ростов и загадочной смерти М. Т. Черкасского он, видимо, остался главнокомандующим опричными войсками. Казнь его в 1571 г. вызывалась, надо полагать, его неудачей. Командуя опричными войсками в

---

⁹⁸ Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С.82

Москве, он во время боев стоял в резерве в Занеглименье, т. е. на территории опричной слободы, имея, вероятно, специальную задачу оборонять опричную часть города. Эта задача не была им выполнена - опричный дворец погиб в огне, а руководимые им войска были, видимо, разгромлены, преследовать Девлет-Гирея оказался в состоянии лишь полк М. И. Воротынского.

Сын В. И. Темкина - И. В. Темкин - упомянут в разрядах всего один раз: в сентябре 1570 г. при походе на Девлет-Гирея он был вторым воеводой большого полка. Казнен вместе с отцом⁹⁹.

Яков Федорович Попадейкин-Волынский впервые упомянут в Полоцком походе 1562-1563 гг., когда ему было приказано «быти от государя на посылки». Волынские - старомосковский боярский род (происходили от известного воеводы Дмитрия Донского - Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского), к XVI в. давно уже захудавший, за исключением одной ветви - Вороных. В опричнине их известно двое: Яков Федорович Попадейкин-Волынский и Федор Волынский. Яков Федорович, сын Федора (Попадья) Андреевича Волынского, впервые упомянут в Полоцком походе 1562-1563 гг., когда ему было приказано «быти от государя на посылки»¹⁰⁰. В опричнине он в Литовском походе в сентябре 1567 г. был «у коша» (командовал обозом). Летом 1571 г. он участвовал в боях против Девлет-Гирея и был разбит крымцами под Серпуховом.

Весной 1572 г. в смешанном опрично-земском походе против шведов - воевода сторожевого полка; в 1572/73 г. первый, а затем второй воевода в Нарве; под Пайдой был головой в царевом полку, затем присутствовал при свадьбе принца Магнуса. Волынские-Попадейкины служили по Ржеву, где в Дворовой тетради записаны отец и брат Якова Федоровича.

---

⁹⁹ Там же. С. 83

¹⁰⁰ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 134

Князь Андрей Петрович Хованский опричнине был довольно крупным воеводой на береговой службе; в сентябрьском походе 1570 г. на Девлет-Гирея он второй воевода из опричнины в полку правой руки, в 1571/72 г. назначается первым воеводой передового полка на берегу в Калуге, в 1572 г. в этой же должности участвует в знаменитой битве на Молодях и затем остается на берегу первым воеводой большого полка¹⁰¹. Его доопричная карьера такова: в начале 1560-х годов служил дворецким у кн. Владимира Андреевича, боярином у которого был его брат Борис Петрович¹⁰². Мать Владимира Андреевича Ефросинья была двоюродной теткой братьев Хованских. В качестве дворецкого Владимира Андреевича он в 1560 г. третьим воеводой полка правой руки участвовал во взятии Феллина¹⁰³. После этого исчез из разрядов до апреля 1564 г., когда он уже перешел в государев двор. Тогда он был назначен брянским воеводой, а затем направлен в Калугу, сначала первым воеводой сторожевого полка, потом вторым воеводой передового полка. В октябре 1564 г. несет береговую службу в Рязани вторым воеводой, в январе 1565 г. назначается первым воеводой сторожевого полка в походе из Великих Лук в Литву, но после челобитья кн. П. И. Татеева это назначение отменяется и А. П. Хованского направляют на берег в сторожевой полк с дорогобужцами; в том же году он второй воевода сторожевого полка в Ржеве и первый воевода в Дорогобуже. В опричные годы он сначала служит в земщине: в 1566/67 г. - наместник в Брянске, а в 1569/70 г. - второй воевода в Полоцке. Это в сочетании с первым опричным упоминанием в сентябре 1570 г. позволяет довольно точно датировать его вступление в опричнину первой половиной 1570 г. Думается, не может быть случайным прием в опричнину вскоре после казни Владимира Андреевича, близкого к нему человека. Это может, вероятно, объясняться какими-то услугами, оказанными кн. А. П. Хованским центральной власти в связи с делом Владимира Андреевича. В

---

¹⁰¹ Буганов В.И. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966 С.56

¹⁰² Там же С.53

¹⁰³ Там же С. 57

послеопричные годы А. П. Хованский продолжал служить воеводой в ряде походов. Последнее упоминание - воевода в Куконосе в 1577/78 г.¹⁰⁴.

Князь Осип Михайлович Щербатый впервые упоминается в разрядах в марте 1555 г., когда он присутствовал на свадьбе Владимира Андреевича¹⁰⁵. В Полоцком походе он был в числе стольников и есаулов, а затем ему было приказано «от государя быти на посылках», в марте 1565 г. он воевода в Невеле, а в 1566/67 г. в походе царевича Кайбулы к Великим Лукам - пристав у городецких татар. Это его последнее земское назначение. В Литовском походе в сентябре 1567 г. он уже второй голова в опричных полках; в сентябре 1570 г. - голова в походе на Девлет-Гирея, а около 1572 г. получает чин окольничего (до опричнины Щербатые в Думе не бывали) и участвует в весеннем походе на шведов¹⁰⁶. В послеопричные годы служит воеводой в Ливонии и в разных городах. Умер в 1578 г.

Князь Дмитрий Михайлович Щербатый впервые упоминается в разрядах в числе стольников и есаулов в Полоцком походе 1562/63 г., в 1565 г. он - воевода в Шацке¹⁰⁷. В 1569/70 г. впервые получает опричное назначение: направляется на берег «в прибавку» вторым воеводой из опричнины¹⁰⁸. Вторым воеводой полка левой руки он участвует в сентябре 1570 г. в походе на Девлет-Гирея, а в декабре 1571 г. - воеводой передового полка в походе против шведов. После опричнины служит городовым воеводой. И. Щербатый был в 1572 г. вторым воеводой из опричнины в полку левой руки в Тарусе¹⁰⁹.

Ознакомившись с биографиями Безнина, Алферьева, Блудова и других видных деятелей опричнины, можно сделать вывод: при Иване IV незнатный

---

¹⁰⁴ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том 1. 1997 С.78

¹⁰⁵ Там же С. 86

¹⁰⁶ Там же С 89

¹⁰⁷ Буганов В.И Разрядная книга 1475-1598 гг.М.,1966 С.67

¹⁰⁸ Там же С.69

¹⁰⁹ Там же С. 67

дворянин мог сделать большую карьеру, при этом, не взявшись за ремесло карателя. Но возвыситься даже при очень высокой конкуренции стало возможным делом. Требовались лишь воля, энергия и способности.

Выходит, при Иване IV «неродословный служилец» избирал для себя душегубство как инструмент карьерного возвышения отнюдь не по необходимости. А лишь по собственному желанию и в результате осознанного выбора. В конце концов, не все же обладали способностями Безнина и Блудова.

На протяжении 1565–1566 годов активно проявляют себя «отцы-основатели» опричнины, крупные ее деятели, воеводы. Это в первую очередь такие деятели как боярин Алексей Плещеев-Басманов с сыном Федором, князь Афанасий Вяземский, Петр Зайцев, блистательный полководец князь Дмитрий Хворостинин. Даже люди помельче — тот же самый Михаил Андреевич Безнин из рода Нащокиных четко прослеживается как один из первых военачальников опричной армии¹¹⁰.

Итак, в опричных воеводах за семь лет побывало всего около пяти - шести десятков. Таким образом, опричнина захватила сравнительно небольшой процент русского воеводского корпуса того времени: разряды 1565 - 1572 гг. называют ощутимо большее количество земских воевод.

Из этих пяти десятков сколько-нибудь значительного положения в опричных войсках хотелось бы подчеркнуть: именно в войсках, а не в администрации, иерархии «Слободского ордена» или, скажем, на дипломатическом поприще добились Р.В. Алферьев, кн. В.И. Барбашин, Ф.А. Басманов, М.А. Безнин, И.Б. Блудов, Я.Ф. Волынский-Попадейкин, кн. Д.И. Вяземский, кн. А.И. Вяземский-Глухой, кн. В.И. Горбатый-Мосальский, В.И. Колычев-Умной, кн. Н.Р. Одоевский, кн. И.П. Охлябин, И.Д. Плещеев, А.И., З.И. и И.И. Плещеевы-Очины, К.Д. Поливанов, кн. С.Д. Пронский, князя А.П., В.И. и

---

¹¹⁰ Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012. С.49

И.П. Телятевские, кн. В.И. Темкин-Ростовский, кн. Ю.И. Токмаков, кн. Ф.М. Трубецкой, кн. Д.И. Хворостинин, кн. Ф.И. Хворостинин, кн. А.П. Хованский, кн. Б.Т, И.Т. и М.Т. Черкасские, кн. И. и Д.М. Щербатовы¹¹¹. Прочие же два три десятка оставались на уровне сравнительно незначительных постов второго, третьего и четвертого воевод в полках или при «наряде».

Глава 3

Опричники на дипломатической службе

В опричину можно было попасть и за заслуги совсем другого рода. Царь нуждался не только в карателях и «воинниках», но и в интеллектуальных кадрах, умевших действовать не мечом, а пером и достойно отстаивать интересы страны и её престиж за рубежом. Одной из наиболее ярких фигур в царском окружении стал Афанасий Фёдорович Нагой — русский посол в Крыму с 1563 по 1573 год. Перед дворянином, недавно начавшим службу в свите царя, была поставлена трудная задача: известить хана о взятии Иваном IV Полоцка таким образом, чтобы установить мирные отношения, не допустить татарских набегов на русские границы и постараться заключить союз против Литвы, для чего все недавние русские действия против крымцев следовало объявить делом рук «изменников» во главе с Алексеем Адашевым¹¹².

Начало дипломатической миссии оказалось удачным. Афанасий Нагой и его товарищ Фёдор Писемский добились согласия хана на заключение договора. После долгих переговоров был согласован текст «докончальной грамоты», на котором хан «принёс шерть» (дал клятву) в январе 1564 года. Однако договор

---

¹¹¹ Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С.251

¹¹² Курукин И. В, Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010 .С.189

надлежало утвердить на собрании крымской знати, среди которой было немало противников улучшения отношений с Москвой. Сам же хан Девлет-Гирей тянул время и выпрашивал у послов всё новые подарки, а литовские дипломаты сумели настроить против москвитов влиятельных беев при ханском дворе. Нагой был согласен удовольствоваться не союзом, а миром, но крымская знать после «большой думы» стала требовать в обмен уступку Казани и Астрахани, на что Грозный не мог пойти из принципа. Стремительно портившиеся отношения привели к походу крымского войска в рязанские уезды и к аресту московского посольства. Нагой и члены его миссии, будучи в Крыму посажены в крепость Чуфут-Кале, всё же смогли установить связь с промосковски настроенными мурзами во главе с князем Сулешем и пытались изменить ситуацию. Из Москвы хану пообещали большие подарки («поминки»), и переговоры возобновились, но Девлет-Гирей колебался. «Государь де ваш не верит мне, а яз не верю государю вашему», — заявил он Нагому в июле 1566 года.

Этапной в русско-крымских отношениях должна была стать миссия А. Ф. Нагого, готовившаяся в марте-апреле 1563 года. Дипломат отправлялся в Крым с предложением мирного договора. Главным пунктом стояло заключение антилитовского союза. Однако если хан предложил бы Москве совместное наступление на владения Сигизмунда, посол должен был отреагировать сдержанно. Ему следовало заявить, что Россия, конечно, готова выступить на своего недруга, литовского короля, но для нее принципиально важно, чтобы это были военные действия союзников, а не «пособление царю».

Из наказа Нагому не видно, чтобы Москва рассчитывала действительно заполучить хана в союзники. Главной целью, видимо, являлось добиться мира на южной границе, получить гарантии ненападения татар и напугать Сигизмунда. Для последнего было достаточно, чтобы Девлет-Гирей сделал несколько грабительских походов по южным землям Великого княжества Литовского. Фантазии Ягеллона, что может случиться с его страной, если

Москва и Крым будут действовать совместно, приведут к тому, что Литва станет сговорчивей и быстро заключит с Россией мир на выгодных условиях. Это позволит победоносно завершить Ливонскую войну.

При чтении наказа Нагому не покидает ощущение, что в Москве осознавали неестественность русско-татарского объединения против христианской Литвы. Поэтому, с одной стороны, добиваясь союза, русские дипломаты сопровождали свои действия таким количеством условностей, что поневоле кажется: Москву больше интересовал свой статус в двусторонних отношениях с Крымом, чем перспективы антилитовского русско-крымского альянса. Несмотря на то, что этот союз был для Грозного необычайно важен, конструктивные предложения о совместном нападении на Сигизмунда утонули в массе мелочных условий, которые А. Ф. Нагой должен был соблюсти при заключении договора. Дипломату предписывалось добиться, чтобы хан первым присягнул на шерти и прислал больших послов, т. е. создать видимость, будто бы инициатива мира исходит от Крыма, а русский царь всего лишь соглашается на просьбу «брата своего». К грамотам следовало приложить золотые печати (как символ равенства государств). Нагому велели проследить, чтобы ни в коем случае хан не повесил «алый нишан» — красную печать, символ подчинения.

О поминках Нагой вел мелочный торг, больше отделяясь обещаниями несметных богатств и сравнительно скромными подарками. Поведение русского дипломата выглядело заносчивым и вызывающим (не есть за одним столом с послами других государств, не платить никаких пошлин, мелочно жадничать в подарках и т. д.).

Вопросы ритуала и семиотика поведения оказались важнее главной цели — достижения антилитовского союза с Крымом. В результате Москва промедлила, дала развиваться сомнениям и нерешительности Девлет-Гирея до чрезмерной степени — и проиграла литовской дипломатии борьбу за дружбу

с Крымом. Личной вины Нагого, связанного в своих инициативах получаемыми из Москвы строгими инструкциями, в таком исходе немного.

Возможно при ином поведении русского царя его альянс с ханом был возможен, а эффективность подобного союза в свое время доказали события конца XV в. — Крым и Москва совместно уничтожили господство Большой Орды, бывшего хозяина Восточной Европы. Недаром Иван IV в своих посланиях к Девлет-Гирею постоянно подчеркивал, что в русско-крымских отношениях начинается новая эра, что он бы хотел быть в такой дружбе с ханом, как его дед Иван III с Менгли-Гиреем¹¹³.

Причиной же плохих отношений с Крымом в предыдущие годы, в соответствии с русским политическим дискурсом, царь объявил измену своих подданных, которые «ссорили» его с ханом. Тема государевой измены как причины плохих отношений России и Крыма в 1550-х гг. впервые зазвучала в послании Ивана IV Сулешу от октября 1562 г.: «... а которые наши люди ближние промеж нас з братом нашим з Девлет Кереем царем ссорили, мы то сыскали, да на них опалу положили есмя, иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех, ни в сех ходят».

В Наказе А. Ф. Нагому в марте 1563 г. эта тема уже была детализирована: зазвучали имена конкретных изменников. Сперва всю вину возложили на Ивана Полева и Федора Загрязского: «и ныне тех дел поминати не надобе. занеже те дела делались от изменников, занеж с государем ссору зделали, государь сыскал, которые его ближние люди ссорили с царем, и опалу положил». Правда, Загрязский успел умереть своей смертью до опалы. Его обвиняли в том, что он якобы утаил от Ивана IV, что хан требует поминок.

В последующих строках царь объявил всю южную политику второй половины 1550-х гг. ошибочной, а ее инициаторов — И. В. Шереметева, героя битвы при Судьбищах, А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого, руководителей

---

¹¹³ А.Р.Андреев История Крыма М, 2002 С.78

русского посольского ведомства — государственными изменниками, которые «царя и великого князя с царем (крымским ханом) ссорили»¹¹⁴.

Кроме того, для задабривания хана царь принял беспрецедентное и необъяснимое решение: в 1562 г. он велел снести Псельский город, удачное стратегическое положение которого до этого фактически парализовывало военную активность крымцев. В ставке хана необычайно изумились решению царя. Русскому послу А. Нагому в 1563 г. было велено передать объяснение, что город, мол, непригоден для сельского хозяйствования, и вообще «Государю нашему города новые не нужны. Божиим милосердием и старые города емлет». Е. Ржевскому осенью 1563 г. уже было поручено давать более пространное объяснение: «Сказали были государю нашему тамошние украинные люди, что то место пригодитца к пашням и иным угодиям». Для того государь и велел поставить город. Однако выяснилось, «то ся место х такому делу не пригодило, и того для государь наш велел его и разорити»¹¹⁵.

25 июня 1563 г. А. Нагой был принят Девлет-Гиреем и начал переговоры о мире и антилитовском союзе. Хан воспринял предложения Москвы настороженно. Он опасался, что сегодня русские воюют с литовцами, а завтра они помирятся и объединятся против татар — так что лучше не связывать себя никакими соглашениями. Нагой писал, что от Ивана IV в Бахчисарае «боялись обманки». Хан на переговорах однозначно поставил решение вопроса о мире и дружбе в зависимость от московских денежных выплат. Русские платежи должны по своим масштабам сравниться с литовскими и превзойти их, тогда можно будет говорить и о союзе («да и сверх королевь казны поминки дай»). Сулеш прямо заявил Нагому, что «татарин любит тех, кто ему больше даст, тот ему и друг». Нагой оказался в сложном положении.

---

¹¹⁴ Шмидт С.О. (ред.) - Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960 С.45

¹¹⁵ Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // "В кратких словесах многой разум замыкающе...". (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века Т. II). СПб. СПбГУ. 2008 С. 311

Отстаивая честь своего царя, он сразу же гордо заявил, что «государь наш дружбы не выкупает». Но сам дипломат понимал, что такая позиция абсолютно неконструктивна. Поэтому он пытался убедить хана, что главное — отправить больших татарских послов для заключения договора, а там уж царь «за поминками не постоит». Эти обещания звучали достаточно бесцветно на фоне прибывшей в Крым 23 июля литовской казны на 36 телегах.

Между тем хан посчитал, что Сигизмунд недодал 4 000 золотых. Кроме того, пользуясь случаем, он потребовал от Литвы двойных поминок, а не то грозил заключить союз с Иваном IV. Со своей стороны в послании к хану от 3 августа 1563 г. Сигизмунд упоминал о других причинах напряженности в литовско-крымских отношениях: нападения на улусы каневских черкас (которых король обещал покарать), обида правителя Литвы на хана за то, что последний недостаточно активно нападал на русские земли, и это позволило Ивану IV совершить поход под Полоцк (то есть в глазах Сигизмунда в поражении Литвы в 1563 г. был виноват не оказавший надлежащую помощь Крым). Масла в огонь подлило нападение в августе белгородских татар под Браславль и Винницу.

Грамота Девлет-Гирея, привезенная в Москву в сентябре 1563 года, четко продемонстрировала позицию Крыма: хан подробно перечислил, какие поминки и подарки должен получить каждый представитель татарской аристократии (кречеты с обслугой, шапки меховые черные, шубы и т. д.). Калге на свадьбу полагался подарок в 1000 рублей. Девлет-Гирей подчеркивал, что Сигизмунд в отличие от Ивана Грозного постоянно присылает поминки и подарки, поэтому русскому правителю надо еще постараться, чтобы заслужить дружбу «великого царя Великой Орды». Кроме того, гонец Ян Магмет привез несколько грамот от царевичей, мурз, членов ханской семьи, в которых каждый из них просил подарок в уплату за ходатайство перед ханом о мире. Средние размеры взяток, помимо шапок, шуб и пр., колебались от 100 до 230 рублей.

Россия предприняла ряд шагов, призванных смягчить позицию хана. 18 сентября 1563 г. в Москву вызвали ранее задержанного в России посла Ян Болдуя и объявили ему, что Иван IV отпускает крымского дипломата и отправляет Ф. И. Салтыкова-Морозова с великими поминками. Ян Болдуя и гонца Ян Магмета пожаловали шубами и «государевой чаркой серебряной».

1 октября в Крым с новыми инструкциями Нагому и грамотами к хану выехал гонец Елизар Девятович Ржевский. Несмотря на риторику, ласкающую слух хана, Иван IV позволил себе и несколько резких выпадов. Во-первых, в своей грамоте к Девлет-Гирею он постарался представить дело так, что это хан хочет дружбы и мира, а Россия только идет ему навстречу. Царь даже заявил, что «дружбы нашей мы к тебе не приказывали», но раз уж предводитель татар хочет дружить, то русский монарх готов выразить свое согласие. Поминками Грозный предложил «обменяться», как истинным друзьям. Первым поклясться на договоре царь предложил хану. В грамоте от имени Ивана IV к Мустафе-аге на слова, чтобы царь потешил хана и прислал поминки, был дан ответ: пусть хан сам потешит царя и нападет на Литву. В принципе, как отмечено А. В. Виноградовым, царь обещал поминки, но после «шертования» хана. Тем самым они «превращались в средство давления на правящие крути Крыма»¹¹⁶.

В итоге договор так и не был заключён, а послы сидели в Крыму в качестве почётных пленников. Афанасий Нагой и в этих условиях не терял времени — собирал информацию. От простых татар, русских «полоняников» и промосковски настроенной крымской знати ему стало известно о намерениях татар и турок, в том числе о планах поднять восстание черемисов (марийцев), недовольных русским владычеством в Поволжье, и о задуманном турецким султаном походе на Астрахань. Подробные сведения об этом последнем предприятии доставил послам захваченный в плен «сын боярский», царский посланник в Ногайскую орду Семён Мальцев. Ему довелось после продажи в

---

¹¹⁶ А.Р.Андреев История Крыма М, 2002 С.76

рабство в Азове служить гребцом на турецкой галере, и одно время он был даже прикован цепью к пушке. Оказавшись в Бахчисарае, Мальцев сумел связаться с послами и не раз поставлял им ценную информацию.

Прошло несколько лет, прежде чем посольство было отпущено домой в обмен на задержанных в Москве крымских дипломатов. Только в ноябре 1573 года Нагой и Писемский вернулись в Москву. Иван Грозный высоко ценил их деятельность: в июне 1571 года послам было сообщено царской грамотой, что они заслужили жалованье «из опришнины». С тех пор карьера Нагого резко пошла вверх. Афанасий Фёдорович стал думным дворянином, дворовым воеводой, одним из ближайших советников царя по вопросам внешней политики и нередко участвовал в переговорах: в августе 1574 года принимал крымских гонцов, в декабре беседовал с членами датского посольства, в январе 1575-го встречался с имперскими гонцами, в марте — с литовскими, в июне — со шведскими, в июле — с датчанами, в январе 1576-го — с имперскими дипломатами, в октябре — с крымскими посланцами, в ноябре — с польскими. Обладая нужным опытом и способностями, он заменил во внешнеполитической сфере казнённого в 1570 году дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Наиболее важным делом были переговоры с имперскими послами Яном Кобенцлем и Даниилом Принцем, где был в принципе согласован план раздела Речи Посполитой. Иван Грозный согласился с выдвижением кандидатуры австрийского эрцгерцога Эрнста на польский престол при условии включения Великого княжества Литовского в состав Русского государства. Платой за согласие императора должно было стать обещание Москвы выступить вместе с Веной против турок.¹¹⁷

Неудачи русских войск на протяжении 1563—1564 гг. (битва при Чашниках) показали Ивану Грозному и его ближайшим советникам невозможность чисто военного присоединения Ливонии к России и потребовали разработки достаточно сложных дипломатических проектов

---

¹¹⁷ Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010 г.

будущего устройства и будущего характера связи между Ливонией и Россией. В окончательном варианте Иван IV «выдвинул проект восстановления распавшегося Ливонского ордена. Предполагалось, что восстановленный Орден будет находиться под протекторатом Русского государства. Великим магистром должен был стать пленный Фюрстенберг. В преемники ему назначался сын Г.Кетлера—Вильгельм»¹¹⁸.

Вне всяких сомнений, разработка такого проекта была бы невозможна без изучения истории Ливонского ордена от момента его возникновения, без анализа взаимоотношений Ливонии со всеми её соседями, а также без исследования вопроса о Тевтонском ордене, одним из правопреемников которого был Ливонский.

В 1565 г. шли переговоры с Литвой и Швецией о мире или, по крайней мере, о перемирии. Сильные русские соединения под командованием князей И.Д. Вольского и И.Ф. Мстиславского (оба были старшими боярами земщины) были переведены с литовского фронта на берега Оки для охраны Москвы от татарских нападений. В октябре Девлет-Гирей действительно совершил набег на Волхов, но быстро ушел, когда получил известие о приближении русских. В 1566 г. он не предпринимал походов на Московию. В мае 1566 г. литовские делегаты во главе с Юрием Ходкевичем, прибыли в Москву, чтобы начать мирные переговоры с московским правительством. Московскую делегацию возглавлял боярин Василий Михайлович Юрьев (согласно Зимину, опричник). Одним из помощников Юрьева был дьяк Иван Висковатый.

Литовцы были готовы сдать Московии Полоцк и ту часть Ливонии, что уже удерживали русские, т.е. Юрьев (Тарту), Нарву и некоторые малые города. Царские делегаты были готовы отдать Литве несколько маленьких ливонских городов, но настаивали на передаче русским Риги и Полоцкого края к западу от реки Двины (еще удерживаемой литовцами), поскольку им принадлежал город Полоцк. Переговоры зашли в тупик. Царь настаивал на

---

¹¹⁸ Корольюк В.Д. Ливонская война М, 1954 .С. 112

присоединении Риги. Однако он желал заручиться в этом вопросе поддержкой ведущих правительственных и армейских групп и торгового люда. Поэтому он решил созвать для обсуждения ситуации и принятия решения земский Собор. Заседания Собора длились с 28 июня по 21 июля 1566 г. В Соборе приняли участие церковный совет, возглавляемый митрополитом Новгорода Пименом (старейший митрополит Афанасий, испытывавший отвращение к режиму опричнины, ушел в отставку 16 мая); Боярская Дума; дворяне первой статьи; дворяне второго класса (дворяне и сыны боярские); дьяки и служащие; высший слой купечества: гости, московские торговцы и смоляне (смоленские купцы, торгующие в Москве или московские купцы, вовлеченные в иностранную торговлю через Смоленск). Из них 204 человека представляли дворянство и 75 человек - купечество¹¹⁹.

Каждая из групп, составлявших Собор, давала свои рекомендации отдельно. Все вместе, за исключением Ивана Висковатого, настаивали, чтобы не делать более уступок Литве. Висковатый, не решаясь открыто пойти против царя советом отдать Ригу, предложил, чтобы ливонские посланники дали заверения, что литовцы оставят Ригу в покое. Итак, Висковатый в скрытой форме рекомендовал отложить решение о Риге.

Его мнение не было принято во внимание. 5 июля литовским посланцам сообщили, что дальнейшие переговоры бесполезны. 12 июля они покинули Москву. В феврале следующего года царь послал в Вильно в качестве своего великого посла к Сигизмунду Августу боярина Ф.И. Умного-Колычева. Колычев был назначен был послом в Польшу ещё в 1565 году,; но тогда посольство было задержано моровым поветрием, поэтому Колычев отправился уже в 1567 г., 2 февраля, вместе с дворецким Григорием Нагим и дьяком В. Щелкановым, с поручением добиться уступки Москве Полоцка, заключить перемирие, заставить поляков признать царский титул московского государя и выдать кн. А. Курбского. 28 марта послы прибыли в

---

¹¹⁹ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. 1978

Оршу. Посольство это было безуспешно; послы девять раз имели совещание с польскими панами, но не пришли к соглашению ни по одному пункту и 19 августа того же года уехали обратно на Москву.

Миссия Колычева провалилась. Он вернулся в Москву в октябре 1567 г.

Обе стороны - Литва и Москва - готовились к возобновлению войны. Сигизмунд Август продолжил свою пропагандистскую войну, тайно посылая московским боярам предложения бежать с царской службы в Литву. Он обещал им достойное содержание. В 1567 г. четыре выдающихся московских боярина, князь Иван Бельский, князь Иван Мстиславский, князь М.И. Воротынский и Иван Федоров, получили подобные приглашения от Сигизмунда Августа и гетмана Григория Ходкевича. Каждый из них немедленно доложил об этом царю и заверил его в своей верности. Иван IV приказал им послать назад оскорбительные ответы с отказом, которые он подготовил лично, что они и сделали. (Ивана Федорова все равно казнили). В других случаях получатели хранили письма в тайне и готовились к побегу, во всяком случае, старались не лишиться себя такой возможности.

После неудачи мирных переговоров лета 1566 г. в Москве было решено положить конец войне, нанеся решительный удар по Великому княжеству Литовскому. Хотя в начале 1567 г. в Литву направилось посольство во главе с Фёдором Ивановичем Умным Колычевым, продолжению переговоров в Москве не придавали никакого значения. «А в кою пору государские послы в Литву ходят, — говорилось в принятом в начале июля 1566 г. приговоре, — государь к своему походу к болшему на Ливонскую землю в то время велит готовить всякие запасы и наряду прибавити»¹²⁰. Готовясь к военному походу, который должен был окончательно решить в его пользу спор из-за Ливонии, царь стремился найти себе союзника, и таким союзником стал, в конце концов, шведский король Эрик XIV¹²¹.

---

¹²⁰ Полное Собрание Русских Летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 402.

¹²¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 135

До 1570 г. шла война Русского государства с Литвой. В июле 1570 г. было заключено трёхлетнее перемирие между Московским государством и новообразовавшейся Речью Посполитой, по условиям которого за обеими сторонами сохранялись занятые ими территории. Иван Грозный решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы нанести решительный удар по Швеции, где в сентябре 1568 г. был свергнут его союзник Эрик XIV. Новым королём стал младший брат свергнутого государя Юхан III, женатый на сестре польского короля Сигизмунда II Августа Екатерине Ягеллонке. Шведский король разорвал союзный договор с Россией, заключённый его предшественником незадолго, в феврале 1567 г. В Стокгольме были ограблены прибывшие на ратификацию договора московские послы. Война между Московским государством и Швецией стала неизбежна. В этих условиях Иван IV решил принять мирные предложения польского короля. В начале июня 1570 г. в Москве было заключено трёхлетнее перемирие, позволившее русскому царю перебросить войска к шведскому рубежу¹²².

Готовясь к наступлению на Ревель, Иван Грозный решил заручиться поддержкой части осевшего в Прибалтике немецкого дворянства и Дании, враждовавшей со Швецией. С этой целью на занятых Москвой землях Ливонии создаётся вассальное королевство, правителем которого стал младший брат датского короля Фредерика II - принц Магнус Гольштейнский, в русских документах именовавшийся «Арцимагнусом Крестьяновичем». Переговоры с датчанами начались в ноябре 1569 г., но лишь в июне 1570 г. принц прибыл в Москву. Осыпанный дарами, Магнус принял предложение Ивана Грозного стать его «голдовником» и был провозглашён «королём Ливонским». «В честь и в удовольствие» новому союзнику царь отпустил на свободу всех пленных немцев¹²³.

---

¹²² Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582).СПб.,1904.С. 163

¹²³ Чумиков А.А. Осада Ревеля (1570-1571 гг.) герцогом Магнусом, королем Ливонским, голдовником царя Ивана Грозного, чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1891, кн. 2.С.43

Но овладеть Ревелем не удалось, и после продолжительной осады царские воеводы отступили от стен крепости.

Швеция прилагала все усилия к тому, чтобы избежать войны с Россией. Новый шведский король Юхан III послал на границу послов. Но ехавшие впереди послов гонцы были задержаны в Новгороде. Один из гонцов заявил о желании перейти на царскую службу и сообщил, что шведские послы уполномочены подписать с Россией мир на любых, даже самых тяжелых условиях, включая уступку Ревеля.

Царь спешно направил в Швецию разрешение на въезд послов, однако было слишком поздно. Швеция заключила мир с Данией. Шведское правительство сняло с повестки дня вопрос об уступке русским Ревеля.

Опричная дипломатия потерпела ничем не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную в своем роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была некомпетентность опричного руководства. Земский Посольский приказ еще раньше лишился наиболее авторитетных и дальновидных руководителей.

История сохранила единственный портрет ещё одного бывшего опричника — дворянина Григория Ивановича Микулина, написанный в 1600 году неизвестным английским художником, когда Микулин выступал в роли посла царя Бориса Годунова к английской королеве Елизавете I. На полотне изображён спокойный умный человек средних лет с широким лицом, безбородым (это скорее исключение, чем правило для русского человека той эпохи), но с чёрными усами, одетый в дорогой кафтан с оплечьем, шитым жемчугом и камнями и отороченную мехом шапку.

Григорий Микулин был незнатным дворянином и попал в опричнину к концу её существования: в 1571 и 1572 годах молодой человек был поддатней у царских рынд, а затем оказался среди «дворовых» «детей боярских» с пятнадцатирублёвым жалованьем. Больше ничего о его служебной карьере при дворе Ивана Грозного не известно. Разрядные книги упоминают его имя в 1590 году, когда отряд с «головою з Григорьем Микулиным пятьсот человек

да черемисы и мордвы и черкас з головою 100 человек» участвовал в штурме и взятии Ивангорода. В 1595 году бывший голова Микулин был послан вторым воеводой в только что основанный «Пелымский город» в Западной Сибири, а затем являлся воеводой в Берёзове. После он служил стрелецким сотником в Смоленске и объезжим головой в Серпухове во время царского похода на татар в 1598 году. Эти назначения были даже почётными для незнатного дворянина, но факт их получения не объясняет, почему именно его, не выделявшегося ни на военной, ни на придворной службе, Борис Годунов отправил послом в Англию. Правда, они начинали служить вместе; в мае 1571 года числились «у царевича князя Ивана Ивановича рынды: з большим саадаком князь Иван Кельмамаев; поддатни Иван Григорьев сын Хитрово, Гриша Федоров сын Милюков, Гриша Иванов сын Микулин », а рядом находился «с рогатиною Борис Федоров сын Годунов». Может быть, будущий царь был знаком с Микулиным и доверял ему? Тогда именно совместной службе в опричнине Григорий Микулин обязан своей карьере, а мы — появлению уникального портрета русского человека XVI столетия, выполненного в европейской манере английским живописцем.

Составленный после окончания дипломатической миссии отчёт («статейный список») свидетельствует, что Годунов не ошибся: Микулин обладал качествами, располагавшими к нему людей, хорошо ориентировался в незнакомых условиях, обладал политическим чутьём и был достаточно образован, чтобы выполнить порученную ему миссию. Благодаря «статейному списку» мы имеем возможность познакомиться с тем, что он видел и испытал в своём путешествии.

Григорий Микулин прибыл в Англию вместе с подьячим Петром Зиновьевым, переводчиком Андреем Гротом и свитой из 21 человека. 18 сентября 1600 года посольство торжественно въехало в Лондон. По пути его приветствовало множество народа, находившегося на судах и по берегам Темзы; крепость и корабли салютовали залпами из пушек. Посла везли по улицам в королевской карете в сопровождении трёхсот всадников. Почётного

гостя поселили в одном из лучших домов английской столицы, Елизавета пожаловала ему из своей казны серебряные блюда, чаши и кубки; за его столом прислуживали присланные ею люди. При этом Микулин вёл себя скромно, благодарил гостеприимных хозяев и ничего лишнего не требовал.

Русский посланник старался соблюдать мелочи этикета, чтобы не умалить честь своего государя, и отмечал необходимые с точки зрения «посольского обычая» подробности: кто сидел на более почётном месте, находился по правую и по левую руку от посла. На последовавшее от лорд-мэра Лондона приглашение «хлеба ести с королевина ведома» Микулин ответил, что может принять предложение только при условии, что он, представитель русского царя, будет занимать более почётное место за столом, чем сам хозяин. В описании приёма русского посла на королевском обеде в праздник Богоявления, 6 января 1601 года, он продемонстрировал дипломатический такт — когда после завершения обеда королева «умыла руки» и велела поднести ему серебряный ковш с водой, ответил: «...Великий государь наш, царское величество, Елисавет королеву зовет любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рукумывати не пригодитца»¹²⁴.

Русский посол был официально приглашён к королеве Елизавете I 14 октября 1600 года. Все требования Микулина по части протокола были исполнены. При входе его в тронный зал королева в присутствии всего двора встала со своего места, стоя выслушала приветствие, поклонилась, спросила о здоровье государя и царицы, «с великою радостью» взяла грамоту из рук посланника и выслушала его речь. Далее началась будничная дипломатическая работа. Русскому послу следовало разузнать, действительно ли Англия оказывала помощь «людьми и казною» турецкому султану, а также растолковать англичанам, как Россия относится к возможной помощи их державы Польше или Швеции — противникам России. Кроме того,

---

¹²⁴ Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. 1954.С 161

дипломату предстояло выяснить политическое положение в стране и узнать о её отношениях с соседями.

Микулин оказался человеком наблюдательным. В «статейном списке» он описал посещение протестантских храмов. Там же, наряду с записями о переговорах и встречах, содержатся сведения о Лондоне и его достопримечательностях: «А город Лунда, Вышегород (Тауэр), камен, не велик, стоит на высоком месте... А большой город, стена камена же, стоит на ровном месте, а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великий устроен со всякими товары». Он описал рыцарский турнир («королевиному потеху») и другие стороны жизни иноземцев с выездами и выходами, приёмами, титулами, приглашениями на королевскую охоту, органной музыкой. В феврале 1601 года русский посол стал свидетелем «великой смуты» — восстания графа Эссекса, который, опираясь на католиков, хотел свергнуть королеву. Тауэр был заперт две недели, улицы перекрыты цепями, а горожане «ходили в доспехах и с пищалями». Сам Микулин был «наготове против тех волнованных» — так писала королева в ответной грамоте царю, одобряя поведение его посланника¹²⁵.

Шестнадцатого мая 1601 года состоялась прощальная аудиенция у королевы, и через несколько дней посол отправился на родину. За службу Микулин получил к своему окладу в 600 четей земли придачу в 129 четей и первое время продолжал состоять на дипломатической службе — в 1602 году в числе других послов встречался с польскими дипломатами на окраине Русского государства — межевал западную границу под Черниговом. Но затем он вдруг оказался головой в Орле в том же чине, что и два десятка лет назад. Может быть, именно этим объясняется его переход на сторону самозванца — тот оценил Микулина и сделал его думным дворянином. Бывший опричник и дипломат, верно служил Лжедмитрию I, в 1606 году

---

¹²⁵ Там же С. 162

безжалостно расправился с обвинёнными в измене стрельцами — «...учал говорить: освободи, де, государь, мне, я у тех изменников не только что головы покусая, и чрева из них своими зубами вытаскаю», после чего осуждённые были иссечены «на малые части»¹²⁶. 3 мая 1606 года, за несколько дней до свержения самозванца, Микулин участвовал в приёме польских послов (встречал их и зачитывал список подарков царю) и на церемонии венчания государя с Мариной Мнишек. После переворота он пытался бежать в Польшу, но был пойман под Москвой в селе Вязёмы. Очевидно, тогда же он и погиб — в списках двора Василия Шуйского его имя не значится.

Рассматривая деятельность опричных дипломатов, следует отметить, что она была довольно успешной. Им удалось отстоять позиции Русского государства в борьбе с Крымом, добиться успехов в переговорах с имперскими послами Яном Кобенцлем и Даниилом Принцем, где был в принципе согласован план раздела Речи Посполитой. Однако практическое осуществление этого договора стало невозможным из-за изменившейся внешнеполитической обстановки. Многие из них продолжили свою службу после ликвидации опричнины.

---

¹²⁶ И. В. Курукин, А. А. Булычев. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С.142

Заключение

Ознакомившись с биографиями Безнина, Алферьева, Блудова и других видных деятелей опричнины, можно сделать вывод: при Иване IV незнатный дворянин мог сделать большую карьеру, при этом, не взявшись за ремесло карателя. Но возвыситься даже при очень высокой конкуренции стало возможным делом. Требовались лишь воля, энергия и способности.

Выходит, при Иване IV «неродословный служилец» избирал для себя душегубство как инструмент карьерного возвышения отнюдь не по необходимости. А лишь по собственному желанию и в результате осознанного выбора. В конце концов, не все же обладали способностями Безнина и Блудова.

На протяжении 1565–1566 годов активно проявляют себя «отцы-основатели» опричнины, крупные ее деятели, воеводы. Это в первую очередь такие деятели как боярин Алексей Плещеев-Басманов с сыном Федором, князь Афанасий Вяземский, Петр Зайцев, блистательный полководец князь Дмитрий Хворостинин. Даже люди помельче — тот же самый Михаил Андреевич Безнин из рода Нащокиных четко прослеживается как один из первых военачальников опричной армии.

Итак, в опричных воеводах за семь лет побывало всего около пяти - шести десятков. Таким образом, опричнина захватила сравнительно небольшой процент русского воеводского корпуса того времени: разряды 1565 - 1572 гг. называют ощутимо большее количество земских воевод.

Из этих пяти десятков сколько-нибудь значительного положения в опричных войсках хотелось бы подчеркнуть: именно в войсках, а не в администрации, иерархии «Слободского ордена» или, скажем, на дипломатическом поприще добились Р.В. Алферьев, кн. В.И. Барбашин, Ф.А. Басманов, М.А. Безнин, И.Б. Блудов, Я.Ф. Волынский-Попадейкин, кн. Д.И.

Вяземский, кн. А.И. Вяземский-Глухой, кн. В.И. Горбатый-Мосальский, В.И. Колычев-Умной, кн. Н.Р. Одоевский, кн. И.П. Охлябин, И.Д. Плещеев, А.И., З.И. и И.И. Плещеевы-Очины, К.Д. Поливанов, кн. С.Д. Пронский, князя А.П., В.И. и И.П. Телятевские, кн. В.И. Темкин-Ростовский, кн. Ю.И. Токмаков, кн. Ф.М. Трубецкой, кн. Д.И. Хворостинин, кн. Ф.И. Хворостинин, кн. А.П. Хованский, кн. Б.Т, И.Т. и М.Т. Черкасские, кн. п. Т. Шейдяков, кн. И. и Д.М. Щербатовы . Прочие же два три десятка оставались на уровне сравнительно незначительных постов второго, третьего и четвертого воевод в полках или при «наряде».

Что касается деятельности опричных дипломатов, то в целом её можно назвать успешной. Им удалось отстоять позиции русского государства в борьбе с Крымом, добиться успехов в переговорах с имперскими послами Яном Кобенцлем и Даниилом Принцем, где был уже согласован план раздела Речи Посполитой. И только изменившиеся внешнеполитические обстоятельства сделали практическое осуществление этого договора невозможным.

Список использованных источников и литературы.

Источники.

1. Анхимюк Ю. В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10
2. Буганов В.И Разрядная книга 1475-1598 гг.М.,1966
3. Горсей Дж. Записки о России. XVI - начало XVII в. М., 1990.
4. Гейденштейн Р. Записки о московской войне. СПб., 1889.
5. «Новое известие о России времени Ивана Грозного». «Сказание» Альберта Шлихтинга Перевод, редакция и примечания А. И. Малеина. Л., 1934.
6. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава.1997. Т. 2
7. Полное Собрание Русских Летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью, СПб.,1906. т. 13
8. Поражение москвитян и осада города Вендена с предисловием и приложениями кн. М. А. Оболенского // чтения в Обществе истории и древностей Российских 1847 №3.отд.3.
9. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе "Русский исторический журнал ", Пг.,1922.кн 8.
10. Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки. 1954
11. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Том 1. 1997
12. Сборник императорского русского исторического общества Т. 71
13. Синбирский сборник / Изд. Д. Валуева. М., 1844. Т. I
14. Штаден Г.О Москве Ивана Грозного.Записки немца-опричника/ перевод И.И.Полосина.Л.,1925

Литература

1. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России : Государство Ивана Грозного. Л., 1988.
2. Андреев А.Р. История Крыма М, 2002
3. Бахрушин С.В. Иван Грозный // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II.
4. Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886.
5. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1885. Т. II.
6. Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. И отмена его в 1572г. // Вопросы истории, 1946.
7. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
8. Вернадский В.Г. Россия в средние века. М., 2001 .
9. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1922.
10. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944.
11. Волков. А.В. Войны и войска Московской Руси М, 2004.
12. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. М., 2011
13. Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009.
14. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
15. Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. — М., 1991.
16. Иловайский Д.И. Царская Русь. М., 1996.

17. Карамзин Н.М. История государства Российского .СПб.,1892. Т.IX.
18. Каргалов В. В. Московские воеводы XVI-XVII вв. М., 2002.
19. Ключевский В.О. Курс Русской истории. М.,1937 .Ч. II.
20. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.
21. Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.
22. Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. М., 1960
23. Королук В.Д. Ливонская война. М.,1954.
24. Костомаров Н. И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.М.,1995 .
25. Курукин И.В. , Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010 .
26. Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой(1570-1582). СПб., 1904.
27. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.СПб.,1901.
28. Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII вв. М., 1963.
29. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины М;Л.,1950.
30. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник.СПб.,1891
31. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.
32. Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944.
33. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 книгах. кн.III.М.,1989.

- 34.Филлюшкин А.И русско-литовская война 1561-1570 и датско-шведская война 1563-1570 гг.[Электронный ресурс]// История военного дела: исследования и источники – 2015 – специальный выпуск II.Лекции по военной истории XVI-XIX вв.- ч II
- 35.Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.
- 36.Форстен К.В.Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях(1544- 1648). Борьба из-за Ливонии.Спб.,1893. т. I.
- 37.Фроянов И.Я. Драма русской истории. На пути к Опричнине.М., 2007.
- 38.Чернов.А.В. Вооруженные силы русского государства XV – XVII вв.(с образования централизованного русского государства до реформ при Петре I). М.,1954.
- 39.Чумиков А.А. Осада Ревеля (1570-1571 гг.) герцогом Магнусом,королем Ливонским,годовником царя Ивана Грозного,чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1891,кн. 2.
- 40.Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52-75.